
VE RI
TAS

Печ. со стали Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

А. Майковъ

евичъ

ъ.

ЕРКЪ

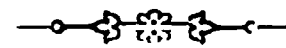
рно-поэтической

IМЪ.

Аполлонъ Николаевичъ

МАЙКОВЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

составленный

ко дню юбилея его полувѣковой литературно-поэтической дѣятельности

30 Апрѣля 1888 г.

М. Л. Златковскимъ.

(Съ портретомъ юбиляра).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе **А. Ф. МАРКСА.**
1888.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 22 Апрѣля 1888 г.

Типографія **А. Ф. Маркса**. Средн. Подъяческая, № 1.

Въ апрѣлѣ прошлаго года намъ довелось праздновать юбилей пятидесятилѣтней поэтической дѣятельности одного изъ симпатичнѣйшихъ поэтовъ нашего времени — Якова Петровича Полонскаго. Въ апрѣлѣ нынѣшняго года на долю нашу выпадаетъ завидная участь чествовать полувѣковой юбилей другаго изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ поэтовъ, Аполлона Николаевича Майкова, которому и посвящается настоящій біографическій очеркъ.

Кромѣ существующихъ въ печати біографическихъ статей объ Аполлонѣ Николаевичѣ—И. С. Ремезова въ «Русскомъ Художественномъ Листкѣ» Тимма, А. У. Порѣцкаго въ изданіи Баумана «Русскіе современные дѣятели» и Н. В. Гербеля въ сборникѣ «Русскіе поэты», вѣскимъ матеріаломъ для настоящаго очерка послужили нѣсколько писемъ самого юбиляра и тѣ, записанныя мною въ разное время, бесѣды съ нимъ, которыя довелось мнѣ вести въ продолженіе долголѣтняго съ нимъ знакомства. Архивъ Комитета иностранной цензуры, въ которомъ Аполлонъ Николаевичъ служитъ уже 36-й годъ, далъ мнѣ, какъ сослуживцу юбиляра, возможность ознакомить читателя и съ его служебною карьерой.

По поводу собиранія матеріаловъ для біографіи Аполлона Николаевича, самъ юбиляръ выразился весьма характерно объ этомъ дѣлѣ въ одномъ изъ писемъ,

адресованномъ ко мнѣ изъ Константинополя, гдѣ онъ провелъ четыре послѣдніе мѣсяца прошлаго года. Отвѣчая на нѣкоторые поставленные мною вопросы, Аполлонъ Николаевичъ заключилъ свое письмо слѣдующими словами: «Ну что же вамъ еще сказать о себѣ, любезнѣйшій Михаилъ Леонтьевичъ! И эти-то матеріалы для васъ негодны: отъ васъ другаго требуютъ составители нашихъ некрологовъ, которые они ведутъ при жизни нашей, для того, чтобы какъ только явится въ газетахъ, въ черной рамкѣ, наше имя, — въ газетѣ была бы уже статейка, въ коей оставалось вписать только годъ и число смерти. И все это—труха, эти некрологи—«переплеты», какъ говаривалъ покойный Праховъ... Вся моя біографія не во внѣшнихъ фактахъ, а въ ходѣ и развитіи внутренней жизни, въ ходѣ расширенія моего внутренняго горизонта, въ укрѣпленіи взгляда на жизненные вопросы, нравственные, умственные и политическіе, во внутренней работѣ ума надъ впечатлѣніями и наблюденіями жизни, въ осмысленіи пріобрѣтаемыхъ и постоянно увеличивающихся знаній. Все прочее — вздоръ, труха, формуляръ»...

I.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ принадлежитъ къ старинной дворянской фамиліи, представители которой не мало потрудились на поприщѣ русскаго искусства и народнаго просвѣщенія. Въ до-петровской Руси имя Майкова встрѣчается еще въ XV столѣтіи въ лицѣ подвижника Нила, по прозванію Сорскаго, котораго поэтическое настроеніе увлекло въ область духовныхъ подвиговъ. Посѣтивъ Аѳонъ

и плѣнившись строгостью скитскаго житья, Нилъ возвратился въ Россію, избралъ живописную мѣстность въ Бѣлозерскихъ пустыняхъ на р. Сорѣ и прославился своими поученіями и строгостью жизни, вслѣдствіе чего вокругъ него образовалась цѣлая отшельническая обитель, которой онъ далъ скитскій уставъ по образцу аѳонскаго. О высотѣ его христіанскаго воззрѣнія мы можемъ судить, какъ по его собственнымъ сочиненіямъ, сохраненнымъ въ нашей старой писменности, такъ и по отзыву, данному имъ въ дѣлѣ Матвѣя Башкина, гдѣ онъ, возставая противъ костра и казни еретиковъ, поучаетъ въ своемъ христіанскомъ смиреніи, что къ обращенію ихъ должны быть прилагаемы исключительно мѣры кротости и убѣжденія.

Въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія съ именемъ Майковыхъ связана постройка и открытіе перваго русскаго театра въ Ярославлѣ извѣстнымъ купеческимъ сыномъ Волковымъ. Карабановъ, въ книгѣ своей *) это обстоятельство объясняетъ такъ: «Когда 17-ти-лѣтній Волковъ, пылавшій огнемъ творчества, нашелъ средство помѣститься за кулисами кадетскаго театра, то пришелъ въ такое восхищеніе, что тутъ же родилась въ немъ мысль завести свой театръ въ Ярославлѣ. Присмотрѣвшись въ Петербургѣ къ театральному распорядку и подготовившись разносторонне, Волковъ вернулся въ свой родной городъ, сталъ обучать братьевъ и сосѣдей драматическому искусству, музыкѣ и живописи и поставилъ въ скоромъ времени, въ большомъ кожевенномъ сараѣ драму «Есѳирь». Воевода Мусинъ-Пушкинъ и помѣщикъ

---

*) *А. Карабановъ.* Основаніе въ 1750 г. русскаго театра кадетами 1-го кадетскаго корпуса. СПб. 1849 г. стран. 25.

Майковъ такъ были прельщены этимъ представленіемъ, что сами употребили значительныя суммы и уговорили ярославскихъ дворянъ и купечество, для чести ихъ города, способствовать къ построенію и обзаведенію деревяннаго театра. Такимъ образомъ въ 1755 году возникъ въ Ярославлѣ, на берегу Волги, въ домѣ Майкова, праотецъ русскихъ публичныхъ театровъ.» Родной братъ прадѣда нашего поэта, Василій Ивановичъ (1728—1778), бригадиръ Семеновскаго полка и старшій сынъ вышеупомянутаго ярославскаго помѣщика, былъ извѣстнымъ въ екатерининское время писателемъ. О немъ въ «Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ» Н. И. Новикова *) сказано такъ: «Онъ почитается въ числѣ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ и тѣмъ паче достоинъ похвалы, что ничего не заимствовалъ: ибо онъ никакихъ чужестранныхъ языковъ не знаетъ.» Одинъ изъ племянниковъ его, дѣдъ юбиляра, Аполлонъ Александровичъ (1761—1838), былъ директоромъ Императорскихъ театровъ, а братъ его, Михаилъ Александровичъ (1796—1848),—директоромъ Демидовскаго училища высшихъ наукъ. Оба они писали стихи. Отецъ Аполлона Николаевича — Николай Аполлоновичъ (1796 — 1873), замѣчательный живописецъ, былъ академикомъ Императорской Академіи Художествъ; Валеріанъ Николаевичъ, второй братъ поэта (1823—1847), — талантливымъ критикомъ и философомъ; третій братъ поэта, Владиміръ Николаевичъ (1826 — 1885), — издателемъ прекраснаго дѣтскаго журнала «Подснѣжникъ» (1858—1861); наконецъ, четвертый братъ, Леонидъ Николаевичъ

*) *П. А. Ефремовъ.* Матеріалы для исторіи русской литературы. СПБ. 1867, стр. 68—69.

(р. въ 1839), извѣстенъ своими трудами по исторіи русской литературы.

Изъ этого перечня читатель видитъ, что родъ Майковыхъ не мало послужилъ развитію русскаго искусства, литературы и просвѣщенія.

II.

Отецъ юбиляра, Николай Аполлоновичъ, имѣетъ полное право на особенное вниманіе и память общества, во-первыхъ, какъ замѣчательный художникъ-живописецъ, а во-вторыхъ, какъ родитель нашего поэта, впервые заронившій въ душу сына искру Божію; а потому будетъ здѣсь умѣстно остановиться подольше на этой даровитой, высоко-честной и свѣтлой личности.

Когда, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, Николай Аполлоновичъ скончался на 78-мъ году своей жизни, извѣстный нашъ романистъ и другъ семьи Майковыхъ Ив. Ал. Гончаровъ почтилъ въ газетѣ «Голосъ» память покойнаго художника некрологомъ, въ которомъ воздалъ должную дань этому замѣчательному человѣку. «Художникъ Майковъ»,—говоритъ г. Гончаровъ, — «составляетъ феноменальное явленіе въ искусствѣ, какъ самородный талантъ, которому случайность открыла путь къ искусству.» Дѣйствительно, Николай Аполлоновичъ ни дома, ни на школьной скамьѣ не учился рисовать. Раненый въ Бородинскомъ сраженіи въ ногу на-вылетъ, онъ былъ увезенъ на излѣченіе въ помѣстье Ярославской губерніи. Надъ постелью его висѣла какая-то картинка, и отъ нечего дѣлать и скуки онъ принялся копировать ее и результатомъ остался доволенъ. Тогда онъ сталъ рисо-

вать все, что попадалось подъ руку. Оправившись отъ раны, онъ возвратился въ полкъ и участвовалъ въ походахъ 1813—1815 годовъ, рисуя постоянно и въ городахъ, и на стоянкахъ, и на бивуакахъ портреты товарищей, эскизы съ натуры, сценки и проч. Въ Парижѣ, между прочимъ, онъ купилъ себѣ масляныя краски, и страсть къ живописи до того овладѣла молодымъ гусарскимъ офицеромъ, что онъ помышлялъ даже тайкомъ покинуть армію и бѣжать въ Италію, въ эту, какъ онъ самъ выражался, «всемірную академію». Но этой мечтѣ не суждено было осуществиться, потому что онъ былъ внезапно вытребованъ отцомъ въ Москву. Здѣсь онъ женился, вышелъ въ отставку и весь предался своей страсти къ искусству. Въ лицѣ своей супруги, Евгеніи Петровны (рожд. Гусятниковой, 1803—1880), Н. А. Майковъ нашелъ достойнѣйшую, нѣжно любимую подругу жизни, которая умѣла понять его артистическую натуру.

Среди своей семьи, освобожденный отъ мелкихъ житейскихъ заботъ, Николай Аполлоновичъ свилъ себѣ артистическое гнѣздо, въ которомъ провелъ свою долгую жизнь, оставаясь холоднымъ и простодушно-безпечнымъ ко всѣмъ треволненіямъ житейскимъ и находя лишь усладу жизни въ искусствѣ, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось. Сперва онъ копировалъ въ Москвѣ картины лучшихъ мастеровъ, затѣмъ рѣшился послать на петербургскую выставку голову Мадонны, которая обратила на себя вниманіе знатоковъ. Тогда онъ переселился съ семьею въ Петербургъ, и здѣсь его артистическая карьера окончательно упрочилась. Императоръ Николай Павловичъ заказалъ ему запрестольный образъ для Троицкаго Измайловскаго собора, который выполненъ былъ Николаемъ Аполлоно-

вичемъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Вслѣдъ затѣмъ, недовольный исполненнымъ двумя академиками иконостасомъ того же собора, Государь поручилъ эту работу Николаю Аполлоновичу и возвелъ его самого въ званіе академика.

Съ тѣхъ поръ заказы ему подобныхъ работъ, для разныхъ храмовъ, не переводились, и лишь свободныя минуты Николай Аполлоновичъ могъ посвящать своей любимой спеціальности—писанію женскихъ головокъ и женскаго тѣла. Въ этомъ родѣ живописи онъ, въ свое время, былъ неподражаемъ. Множество его головокъ и вакханокъ сдѣлались украшеніемъ гостиныхъ и картинныхъ галлерей частныхъ лицъ. Въ Елагинскомъ дворцѣ есть картина его работы, фигура женщины, поражающая жизненностью колорита, а въ домѣ княгини Юсуповой, на Литейной,—замѣчательные плафоны и медальоны дверей. И. А. Гончаровъ, оцѣнивая художественный талантъ Николая Аполлоновича, выражается такъ: «Отсутствіе серьезной, методической подготовки не могло не чувствоваться во всей дѣятельности художника-самородка, не давая полнаго простора его фантазіи, стѣсняя обиліе творчества трудностями техническаго исполненія. Рисунокъ не всегда служилъ могущественнымъ и послушнымъ пособіемъ его кисти. За то уже кисть его, особенно въ копіяхъ съ сильныхъ мастеровъ, соперничала съ оригиналомъ. Колоритъ—вотъ въ чемъ, и почти въ одномъ этомъ, была вся сила артиста.»

Касаясь частной жизни Николая Аполлоновича, еще съ большей теплотой относится къ нему г. Гончаровъ. Вотъ какъ характеризуетъ онъ эту симпатичную и свѣтлую личность: «Какъ человѣкъ, онъ былъ необыкновенно доброй, кроткой души, мягкаго характера, любимый въ семьѣ, друзь-

ями и всѣми, кто только его зналъ. Онъ жилъ, какъ живутъ или, если теперь уже не живутъ такъ, то какъ живали артисты, думая больше всего объ искусствѣ, любя его, занимаясь имъ, и почти ничѣмъ другимъ. Домъ его, лѣтъ 15—20 и болѣе назадъ, кипѣлъ жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержаніе изъ сферы мысли, науки, искусствъ. Молодые ученые, музыканты, живописцы, многіе литераторы изъ круга 30-хъ и 40-хъ годовъ, всѣ толпились въ не обширныхъ, не блестящихъ, но пріютныхъ залахъ его квартиры, и всѣ, вмѣстѣ съ хозяевами, составляли какую-то братскую семью или школу, гдѣ всѣ учились другъ у друга, размѣниваясь занимавшими тогда русское общество мыслями, новостями науки, искусствъ. Старикъ Майковъ радовался до слезъ всякому успѣху и всѣхъ, не говоря уже о друзьяхъ, въ сферѣ интелектуальнаго или артистическаго труда, всякому движенію впередъ во всемъ, что доступно было его уму и образованію. Трудно полнѣе и безупречнѣе, чище прожить жизнь»,—заключаетъ И. А. Гончаровъ,— «какъ прожилъ ее Майковъ, сначала въ качествѣ воина, потомъ артиста, наконецъ просто человѣка.»

И вотъ у такого отца и при такой семейной обстановкѣ родился и выросъ нашъ дорогой юбиляръ, и полагаю, я былъ правъ, замѣтивъ выше, что незабвенный родитель нашего поэта впервые заронилъ въ душу сына искру Божію.

III.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ родился 23-го мая 1821 года въ Москвѣ и провелъ все дѣтство въ имѣніи отца, Московской губерніи, близъ Троицко-Сергіевской

Лавры, въ сельцѣ Никольскомъ, а также въ имѣніи бабушки, Клинскаго уѣзда, въ сельцѣ Чепчихѣ, слѣдовательно на лонѣ свободной природы, вдали отъ сутолоки городской, среди простаго сельскаго люда, крѣпкаго своимъ патріархальнымъ бытомъ. Деревенская обстановка сильно вліяла на развитіе ребенка; она породнила его съ природою и вселила въ немъ любовь и пониманіе русской народной жизни. До какой степени отрадное воспоминаніе оставила въ немъ деревенская жизнь и непосредственное общеніе съ природою, свидѣтельствуютъ слѣдующія строки, написанныя имъ уже въ зрѣломъ возрастѣ:

Картины бѣдныя полуночнаго края!
Гдѣ-бъ я ни умиралъ, васъ вспомню умирая:
Отъ сердца пылкаго все злое прочь гоня,
Не вы ль, миря съ людьми, учили жить меня.

Да, первые уроки великой науки жизни чуткая душа будущаго поэта восприняла непосредственно изъ тайниковъ природы, прислушиваясь къ шелесту листьевъ, къ журчанью ручья, къ щебетанью птичекъ и къ тѣмъ гармоническимъ звукамъ, которые въ тихое, ясное утро, когда пробуждается природа, носятся въ воздухѣ и, сливаясь въ одну безконечную, божественную мелодію, наполняютъ способную къ воспріятію душу невыразимымъ, всепримиряющимъ блаженствомъ.

Въ стихотвореніи «Рыбная ловля», написанномъ въ 1855 году, поэтъ вспоминаетъ о своемъ дѣтствѣ, и вотъ какъ онъ рисуетъ жизнь въ деревнѣ:

Себя я помнить сталъ въ деревнѣ подъ Москвою:
Бывало въ вечеру поудить карасей

Отецъ пойдетъ на прудъ, а двое насъ, дѣтей,
Сидимъ на берегу подъ елкою густою,
Добычу изъ ведра руками достаемъ
И шопотомъ о ней другъ съ другомъ рѣчь ведемъ...
Съ лѣтами за отцомъ по ручейкамъ пустыннымъ
Мы стали странствовать... Теперь то время мнѣ
Является всегда какимъ-то утромъ длиннымъ,
Особымъ уголкомъ въ безвѣстной сторонѣ,
Гдѣ вѣчная заря надъ головой струится,
Гдѣ въ полѣ по росѣ мой слѣдъ еще хранится...

Но вотъ настало время отрочества. Въ 12-ть лѣтъ пора подумать и о серьозномъ ученіи. Мальчика везутъ въ Петербургъ и сдаютъ на руки дядѣ, артиллерійскому полковнику, занимавшемуся приготовленіемъ молодыхъ людей для поступленія въ военно-учебныя заведенія. Петербургъ производитъ на молодаго Майкова впечатлѣніе большой тюрьмы. Вотъ какъ воспѣваетъ Аполлонъ Николаевичъ въ томъ же стихотвореніи свой пріѣздъ въ столицу:

Въ столицу привезенъ насильно точно я;
Какъ будто всѣмъ чужой, сижу на чуждомъ пирѣ,
И, кажется, опять я дома въ Божьемъ мірѣ,
Когда лишь заберусь на бережокъ ручья,
Закину удочки, сижу въ травѣ высокой...
Полдневный пышетъ жаръ—съ зарей я поднялся—
Откинешься на лугъ и смотришь въ небеса,
И слушаешь стрекозъ, покуда сонъ глубокій
Подъ теплый паръ земли глаза мнѣ не сомкнетъ...
О чудный сонъ! Душа, Богъ знаетъ, гдѣ, далеко,
А ты во снѣ живешь, какъ все вокругъ живетъ...

Но какъ ни противна показалась юному Майкову столица, и какъ ни манила его къ себѣ деревня, онъ понялъ все-таки, что надобно учиться и, одаренный отъ природы недюжинными способностями, подъ руководствомъ опытнаго дяди и затѣмъ друга семьи Майковыхъ, Влад. Андр. Солоницына, прошелъ въ три года весь гимназическій курсъ, — на что другіе употребляли лѣтъ семь. Въ 1837 году, 16-ти лѣтъ, Аполлонъ Николаевичъ поступилъ въ Петербургскій университетъ, на юридическій факультетъ и кончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1841 году, слѣдовательно, ровно 20-ти лѣтъ отъ роду.

IV.

Проходя гимназическій курсъ, молодой Майковъ оказалъ большія способности къ математикѣ, но поступилъ онъ не на математическій и не на филологическій факультетъ по мысли Солоницына. В. А. Солоницынъ игралъ столь видную и вліятельную роль въ судьбѣ будущаго поэта, что на немъ необходимо остановиться.

Когда въ 1834 году родители Аполлона Николаевича переѣхали на постоянное жительство въ Петербургъ, Солоницынъ взялъ на себя попеченіе о воспитаніи старшихъ сыновей своего друга—Аполлона и Валеріана, и вполнѣ посвятилъ себя семьѣ Майковыхъ, не смотря на то, что самъ былъ очень занятъ службою. Для друзей онъ готовъ былъ жертвовать всѣмъ. Онъ былъ человѣкъ очень умный и прекрасно образованный, зналъ хорошо языки, слѣдилъ за литературой и самъ занимался ею. Будучи соредакторомъ Сеньковскаго по

изданію журнала «Библіотека для чтенія», онъ помѣщалъ въ немъ свои переводы и компилятивныя статьи, а въ «Москвитянинѣ» 1841 года появилась его повѣсть: «Царь — рука Божья». Сохранились также въ семьѣ Майковыхъ чрезвычайно интересныя его письма съ Урала и изъ-за границы. Солоницынъ направилъ Аполлона Николаевича на юридическій факультетъ не потому, что предназначалъ начинающаго поэта въ юристы, а потому что факультетъ этотъ давалъ, въ то время, общее образованіе, такъ какъ, кромѣ спеціальныхъ юридическихъ предметовъ, на немъ читались: русская и всеобщая исторія и русская словесность. На филологическій же факультетъ Аполлонъ Николаевичъ не могъ поступить, ибо не зналъ по-гречески и выучился этому языку лишь въ 1849—1850 гг. у К. А. Коссовича, а новогреческому еще позже у Г. С. Дестуниса.

Стихи нашъ юбиляръ сталъ писать съ 15-ти лѣтъ. Въ домѣ отца, подъ вліяніемъ семейныхъ преданій, а также Солоницына, литературой интересовались всѣ. Солоницынъ, желая пріучить своихъ питомцевъ къ литературнымъ занятіямъ, завелъ въ семьѣ Майковыхъ изданіе рукописнаго журнала, гдѣ помѣщались стихи и проза не только юношей Майковыхъ, но и нѣкоторыхъ близкихъ знакомыхъ, между прочимъ В. Г. Бенедиктова, И. И. Бороздны, И. А. Гончарова (тогда еще не печатавшаго), П. П. Свиньина, самого Солоницына и матери поэта. Отецъ же иллюстрировалъ этотъ журналъ своими рисунками. Журналъ выходилъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, съ 1836 по 1838 годъ и назывался «Подснѣжникъ». Въ 1839 году Солоницынъ составилъ подобный же рукописный, иллюстрированный альманахъ «Лунныя ночи». Это—въ высшей степени изящный томъ, въ 352 страницы,

украшенный художественно-выполненными виньетками и роскошными рисунками. Въ числѣ авторовъ прозаическихъ сочиненій мы встрѣчаемъ здѣсь имена: И. А. Гончарова, Е. П. Майковой, Аполлона Майкова и его братьевъ Валеріана и Владиміра, и В. А. Солоницына. Стихи подписаны: В. Г. Бенедиктовымъ, Е. П. Майковой, Аполлономъ Майковымъ, Я. А. Щеткинымъ и В. А. Солоницынымъ. Многія изъ помѣщенныхъ въ этомъ альманахѣ стихотвореній Аполлона Николаевича вошли впослѣдствіи въ собраніе его сочиненій, какъ напримѣръ: «Сонъ», «Сомнѣніе», «Призывъ».

Такимъ образомъ подъ вліяніемъ Солоницына и при содѣйствіи молодаго кандидата Московскаго университета И. А. Гончарова, будущаго автора «Обломова», преподававшаго Аполлону Николаевичу исторію литературы, а также матери, женщины весьма образованной, у Аполлона Николаевича развился вкусъ къ поэзіи, хотя въ то же время онъ не переставалъ заниматься живописью, пристрастившись къ ней по примѣру отца.

V.

Солоницынъ руководилъ занятіями Аполлона Николаевича и въ бытность послѣдняго въ университетѣ. Профессора, лекціи которыхъ всего усерднѣе посѣщались Аполлономъ Николаевичемъ, были: В. В. Шнейдеръ и П. Д. Калмыковъ; первый читалъ римское право, а второй — энциклопедію законовѣдѣнія. Изученіе римскаго права заставило его заниматься латинскимъ языкомъ и читать латинскихъ классиковъ въ оригиналѣ (греческихъ поэтовъ онъ читалъ во французскомъ пере-

водѣ), что, въ свою очередь, знакомило его съ древнимъ міромъ. Лекціи же Калмыкова увлекли его къ занятіямъ философіей. Начавшійся въ 1841 году «Москвитянинъ» Погодина обратилъ вниманіе Аполлона Николаевича на славянскій міръ, которымъ онъ и занялся на столько, что могъ написать свою кандидатскую диссертацію на тему «О характерѣ первоначальныхъ законовъ по источникамъ славянскаго права». Кромѣ того, Аполлонъ Николаевичъ слушалъ: русскую исторію у Н. Г. Устрялова, всеобщую исторію у М. С. Куторги, русскую словесность у А. В. Никитенка. Никитенко и Плетневъ встрѣтили съ одобреніемъ первые его поэтическіе опыты. Ближайшими товарищами Аполлона Николаевича въ университетѣ, кромѣ брата Валеріана (курсомъ моложе), были: С. С. Дудышкинъ, М. П. Заблоцкій (впослѣдствіи статистикъ и экономистъ), Я. А. Соловьевъ (членъ редакціонныхъ коммисій по крестьянскому дѣлу и сенаторъ), П. М. Цейдлеръ (педагогъ) и А. П. Милюковъ (авторъ «Очерка исторіи русской поэзіи»).

Частью для поэзіи, частью для компонованія живописныхъ сюжетовъ, Аполлонъ Николаевичъ также изучилъ Библію въ славянскомъ переводѣ. Всѣ эти занятія дали впослѣдствіи силу его языку. Живописью онъ продолжалъ заниматься съ тою страстностью, на которую способны только истинные таланты. Къ сожалѣнію, близорукость являлась тутъ не малою помѣхою. Аполлонъ Николаевичъ не любилъ мелкой детальной работы. Его фантазіи открывались большіе горизонты, его сюжеты требовали большихъ размѣровъ, а близорукость ставила ему преграды на каждомъ шагу; это его раздражало, заставляло его скорбѣть и роптать на судьбу.

Еще 15-ти-лѣтнимъ юношей онъ выразилъ эту скорбь въ первомъ своемъ стихотвореніи: «Разочарованіе», не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій, такъ какъ оно слабо по формѣ, хотя и смѣло по замыслу, и сильно по духу. Читая его, чувствуешь, что это вопль наболѣвшей души, крикъ могучей силы, не находящей себѣ исхода, жалоба на несправедливость судьбы, даровавшей ему талантъ и, въ то же время, не дозволявшей имъ пользоваться вполнѣ. Вотъ начало этого стихотворенія:

Когда въ святомъ, небесномъ вдохновеньѣ,
Я возношусь въ подоблачный эфиръ
И создаю въ своемъ воображеньѣ
Особенный, прекрасный, новый міръ, —
Зачѣмъ тогда прекрасное созданье
Я не могу изобразить
И перелить въ него мое очарованье
И прелестью небесной оживить.

Но сколько разъ ни разочаровывался нашъ юный художникъ и ни бросалъ своей кисти, страсть въ его сердцѣ снова возгоралась, онъ снова принимался за палитру, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока наконецъ онъ не почувствовалъ, что для его священнаго огня есть другой алтарь, гораздо болѣе способный возносить къ богамъ его ѳиміамъ, что для воплощенія его образовъ и его созданій есть у него въ рукахъ другое орудіе, которымъ онъ владѣетъ не менѣе искусно, — и онъ бросилъ кисть на всегда и принялся за перо. Былъ однако же одинъ моментъ, уже по выходѣ изъ университета, когда Аполлонъ Николаевичъ опять возмечталъ было заняться живописью и ѣхать въ Италію совершен-

ствоваться; но этотъ моментъ былъ послѣднимъ «прости» живописи, послѣ котораго онъ уже къ ней не возвращался и твердо взялъ въ свои руки перо. Произошло это по слѣдующему поводу:

Государь Николай Павловичъ, увидавъ въ мастерской Майкова-отца картину работы его сына, изображавшую Распятіе, пожелалъ взять ее для католической капеллы, устраивавшейся по случаю бракосочетанія великой княгини Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ; такъ какъ молодой Майковъ отказался отъ вознагражденія, то Государь пожаловалъ ему бриллiантовый перстень. Такой успѣхъ чуть было не заставилъ его вновь возвратиться къ живописи; но другое обстоятельство направило Аполлона Николаевича окончательно на настоящій его путь. Стихи его стали уже обращать на себя всеобщее вниманіе. А когда въ 1842 году вышелъ первый сборникъ его стихотвореній, то графъ С. С. Уваровъ, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, счелъ своею пріятною обязанностью представить ее Государю, «какъ плодъ студенческаго досуга». Государь приказалъ спросить: чего желаетъ Майковъ? «Ѣхать въ Италію», лаконически отвѣчалъ молодой канцелярскій чиновникъ. (Аполлонъ Николаевичъ уже былъ опредѣленъ еще въ январѣ 1842 г., въ департаментъ государственнаго казначейства. Въ то время существовало правило, по которому молодые дворяне, поступающіе на службу, обязывались прослужить извѣстное число лѣтъ въ губернскихъ учрежденіяхъ; но Аполлонъ Николаевичъ имѣлъ возможность опредѣлиться прямо въ министерство, потому что кончилъ курсъ первымъ кандидатомъ). И вотъ молодому Майкову, по Высочайшему повелѣнію, пожаловано было 1000 р. на путеше-

ствіе за границу. На крыльяхъ молодости нашъ поэтъ-художникъ, распростившись съ душною канцеляріею, полетѣлъ учиться въ чужіе края и пробылъ за границей почти два года, съ 29-го іюня 1842 г. по 8-е марта 1844 г.

VI.

Какъ сказано было уже выше, А. Н. Майковъ сталъ писать стихи съ 15-ти лѣть и постоянно участвовалъ въ домашнемъ рукописномъ журналѣ и въ альманахѣ «Лунныя ночи». Хотя онъ подвизался тутъ вмѣстѣ съ Бенедиктовымъ, но любопытно, что на первые его поэтическіе опыты Бенедиктовъ не имѣлъ вліянія. Вліялъ болѣе Батюшковъ и, впослѣдствіи, Пушкинъ; но не байронический Пушкинъ, не авторъ «Кавказскаго плѣнника», а Пушкинъ своей второй половины. Въ этомъ легко убѣдиться, прослѣдивъ стихотворенія, помѣщенныя въ I-мъ томѣ сочиненій Майкова *).

Весной 1838 года, когда ни одного стихотворенія Аполлона Николаевича еще не появлялось въ печати, почти одновременно въ Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ, профессора русской словесности А. В. Никитенко и С. П. Шевыревъ познакомили своихъ студентовъ-слушателей, по рукописнымъ тетрадкамъ, со стихотвореніями студента 2-го курса Петербургскаго университета Аполлона Майкова. Два изъ первыхъ поэтическихъ произведеній его: «Гнѣвъ Божій» и «Ве-

*) Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова. Изданіе 4-е, въ трехъ томахъ, А. Ф. Маркса. СПб. 1884.

нера Медицейская» были читаны Никитенкомъ въ Петербургѣ, а одна изъ антологическихъ пьесъ его читана Шевыревымъ въ Москвѣ. Вотъ почему время оффиціальнаго заявленія въ стѣнахъ университетскихъ о поэтическомъ дарованіи вновь появившагося поэта почитатели таланта Аполлона Николаевича признаютъ себя въ правѣ считать началомъ его литературно-поэтической дѣятельности, которой въ настоящемъ 1888 году минуло полвѣка.

Въ печати стихи Аполлона Николаевича появились впервые въ «Одесскомъ Альманахѣ» на 1840 годъ безъ подписи автора. Помѣщены были: «Сонъ» и «Картина вечера»; подъ обѣими піесами стояла одинокая буква М. Тѣмъ не менѣе стихотвореніе «Сонъ» обратило на себя тогда же вниманіе Бѣлинскаго. Въ статьѣ о «Римскихъ элегіяхъ» Гёте, въ переводѣ Струговщикова, въ 1841 г. Бѣлинскій, между прочимъ, писалъ *): «Вотъ, напримѣръ, антологическое стихотвореніе одного неизвѣстнаго, но даровитаго поэта, въ которомъ выражено обаяніе сна или, лучше сказать, усыпленія, послѣ прогулки фантастическимъ вечеромъ мая: прочтите его,— и вы сами поймете лучше всякихъ объясненій, что поэзія есть выраженіе невыражаемаго, разоблаченіе таинственнаго — ясный и опредѣлительный языкъ чувства нѣмотствующаго и теряющагося въ своей неопредѣленности!»

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы желтыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ;
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ,

*) Сочиненія Б. Бѣлинскаго. Москва. 1859, т. IV, стр. 477.

И въ рѣдкомъ тростникѣ, медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ
отражаясь, —
Иду я подъ родной, соломенный свой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ:
И тамъ, въ урочный часъ, съ улыбкой устъ
привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ дрожащихъ звѣздъ и маковъ
темноцвѣтныхъ,
Съ таинственныхъ высотъ, воздушною стезей,
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ обливаетъ
И очи тихою рукою закрываетъ,
И, кудри подобравъ, главой склонясь ко мнѣ,
Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ.

Вслѣдъ затѣмъ, въ теченіе 1841 года, нѣсколько стихотвореній Аполлона Николаевича, уже съ подписью имени его, появились въ «Библіотекѣ для чтенія» («Сомнѣніе», «Пустынникъ») и въ «Отечественныхъ запискахъ», а съ выходомъ въ свѣтъ въ началѣ 1842 г. книжки: «Стихотворенія Аполлона Майкова», стихи его стали уже постоянно печататься въ обоихъ этихъ журналахъ.

Появленіе въ свѣтъ книжки стихотвореній Аполлона Николаевича произвело сильное впечатлѣніе въ литературныхъ кружкахъ. Она имѣла большой успѣхъ, какъ въ литературномъ мірѣ, такъ и въ обществѣ. На университетскомъ актѣ 25-го марта 1842 г. ректоръ П. А. Плетневъ, при чтеніи обзора университетской дѣятельности за истекшій годъ указалъ на замѣчательную книгу стихотвореній только что окончившаго курсъ кандидата и привелъ изъ нея прекрасное стихотвореніе: «Пѣвцу».

Бѣлинскій, какъ извѣстно, не очень щедро расточалъ похвалы начинающимъ писателямъ. Между тѣмъ выходъ въ свѣтъ книжки стихотвореній Аполлона Николаевича вызываетъ со стороны Бѣлинскаго восторженный пріемъ. Въ «Отечественныхъ запискахъ» 1842 г. онъ посвятилъ этой книжкѣ двѣ статьи *). Въ отдѣлѣ библіографіи онъ говоритъ: «Русская литература пріобрѣтаетъ въ г. Майковѣ новое весьма замѣчательное и подающее о себѣ хорошія надежды дарованіе. Это собраніе изящныхъ стихотвореній г. Майкова можетъ, во всѣхъ отношеніяхъ, назваться сюрпризомъ публикѣ, которая въ одно и то же время, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, увѣрится въ истинности дарованія новаго поэта и узнаетъ о его существованіи». Другая объемистая статья, въ отдѣлѣ критики, начинается такъ: «Даровита земля русская: почва ея не оскудѣваетъ талантами. Лишь только, ожесточенное тяжкими утратами, или оскорбленное несбывшимися надеждами, сердце ваше готово увлечься порывами отчаянія, — какъ вдругъ новое явленіе привлекаетъ къ себѣ ваше вниманіе, возбуждаетъ въ васъ робкую и трепетную надежду... Замѣнитъ-ли оно то, утрата чего была для васъ утратою какъ будто части вашего бытія, вашего сердца, вашего счастія — это другой вопросъ, и только будущее можетъ рѣшить его: настоящее можетъ лишь гадать о томъ на основаніи уже даннаго факта. И такой именно фактъ даетъ намъ изящно напечатанная книга, заглавіе которой стоитъ въ началѣ этой статьи. Отстраняя всѣ гаданія, которыя могутъ быть произвольны или односторонни, и предоставляя времени рѣшеніе вопроса о сте-

*) Сочиненія Бѣлинскаго, т. VI, стр. 338—339 и 104—133.

пени поэтическаго таланта г. Майкова, — мы скажемъ пока только, что многія изъ его стихотвореній обличаютъ дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и нѣчто обѣщающее въ будущемъ. Говоря такъ, мы думаемъ, что много сказали въ пользу молодаго поэта: можно быть человѣкомъ съ дарованіемъ и не обѣщать развитія; только сильныя дарованія въ первыхъ произведеніяхъ своихъ даютъ залогъ будущаго развитія...»

Далѣе, въ той же статьѣ, Бѣлинскій говоритъ: «Если взглядъ нашъ на важность поэзіи, на высокое значеніе поэта не помѣшалъ намъ посвятить цѣлую критическую статью разбору первыхъ опытовъ г. Майкова, значитъ, мы много видимъ въ дарованіи новаго поэта». Еще далѣе: «Г. Майковъ вполнѣ владѣетъ орудіемъ искусства — стихомъ, который у него напоминаетъ стихъ первыхъ мастеровъ русской поэзіи; а это — великій и подающій самыя лестныя надежды признакъ».

Объ антологическихъ стихотвореніяхъ, помѣщенныхъ въ книжкѣ, Бѣлинскій говоритъ, что они «перлъ поэзіи г. Майкова, торжество его таланта, поводъ къ надеждѣ на будущее его развитіе.» Изъ нихъ особенно ему понравились: «Октава», «Искусство», «Гезіодъ», «Вакхъ», «Муза, богиня Олимпа»и «Дитя мое». Перлами не антологическихъ стихотвореній Бѣлинскій считаетъ: «Ангелъ и демонъ» и «Раздумье».

Вотъ одно изъ нихъ:

ОКТАВА.

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя, случайно
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,

Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы.

VII.

Послѣ такого блистательнаго дебюта на литературномъ поприщѣ, можно себѣ представить въ какомъ счастливомъ настроеніи уѣхалъ молодой поэтъ-художникъ, сопутствуемый отцомъ, за-границу. Поѣхали они моремъ, черезъ Гавръ, въ Парижъ, а оттуда — въ Италію. Въ Италіи Аполлонъ Николаевичъ пробылъ цѣлый годъ. Въ апрѣлѣ 1843 г. туда же пріѣхалъ Валеріанъ Майковъ съ Солоницынымъ и всѣ вмѣстѣ отправились осенью, въ Парижъ, гдѣ и провели всю зиму, вмѣстѣ съ отцомъ и матерью поэта. Къ новому году родители и Валеріанъ Майковъ возвратились въ Россію, а Аполлонъ Николаевичъ еще остался въ Парижѣ и только весною 1844 г. возвратился въ Петербургъ, посѣтивъ по дорогѣ Дрезденъ и Прагу, гдѣ познакомился съ знаменитымъ Вячеславомъ Ганкой и съ другими представителями чешскаго возрожденія.

Парижъ не произвелъ на молодаго поэта особеннаго впечатлѣнія; за то Римъ и вообще Италія оставили по себѣ въ немъ неизгладимыя воспоминанія, воспроизведенныя въ прелестныхъ «Очеркахъ Рима» и отозвавшіяся во многихъ позднѣйшихъ его произведеніяхъ. Въ посланіи къ Я. П. Полонскому 1858 г. онъ набросалъ картину своей жизни въ Римѣ:

Гдѣ ты? О, Боже мой! ты тамъ, гдѣ въ оны годы
Безпечно я бродилъ...
Прости невольный вздохъ!.. полуденной природы
И Римъ я не забылъ!..
Обломки красные средь рощи кипарисной,
Подъ небомъ голубымъ,—
Величіемъ своимъ и грязью живописный
Онъ по душѣ мнѣ, Римъ!
Какъ часто на коняхъ мы римскою долиной
Неслись во весь опоръ;
Коней остановивъ, снимали видъ руины
И очеркъ дальнихъ горъ,
И града вѣчнаго въ туманѣ куполъ гордый,
А тамъ водопроводъ
И черныхъ буйволовъ къ намъ поднятыя морды
Въ осокѣ, изъ болотъ...
И эти городки, куда въ весельѣ дикомъ,
Какъ будто ошалѣвъ,
Врывались мы потомъ, преслѣдуемы крикомъ
Старухъ, дѣтей и дѣвъ...
Тамъ съ громомъ подскакавъ къ радушной австеріи,
Суровыхъ поселянъ
Напаивали мы, крича «ура»! Россіи,
Ругая Ватиканъ,
И вѣковой союзъ монаховъ и германцевъ...
А пламенный народъ
На вѣтреную рѣчь безвѣстныхъ чужестранцевъ,
Бывало слезы льетъ...
Средь этихъ шалостей высокій трудъ и дума,
Вазари и Тацитъ,
И сладостный пѣвецъ Тибура и Пестума,
И Дантъ и Теокритъ...

А ночи лунныя въ руинахъ Колизея!..
Мнѣ кажется теперь,
Что игры звѣрскія я видѣлъ, и, нѣмѣя,
Внималъ, какъ злится звѣрь,
Какъ шумно валитъ чернь, толкаясь на ступени,
При кликахъ торжества,
А на аренѣ двѣ бѣлѣющія тѣни
Ждутъ, обнимаясь, льва...
О, дни волшебные! о, годы золотые!
О, какъ свѣтла тогда
Казалась нашихъ дней надъ милою Россіей
Всходившая звѣзда!
Гдѣ-жъ сверстники мои? Гдѣ Штернбергъ? гдѣ Ивановъ?
Ставассеръ милый мой?
Гдѣ наши замыслы? Гдѣ рядъ блестящихъ плановъ?
Гдѣ геній ихъ живой?
Гдѣ пышныя мечты о русскомъ пантеонѣ,
Гдѣ-бъ *нашихъ* имена
Сіять должны въ вѣкахъ, какъ звѣзды въ небосклонѣ,
Какъ вѣчная весна?..
О, милые мои!.. Слезой не провожая,
Какъ чуждыхъ всѣмъ сиротъ,
Ихъ Римъ похоронилъ, кого, увы! не зная
Землѣ онъ предаетъ!..
А братъ мой, милый братъ... ахъ, многіе почили!
И имя ихъ звучитъ
Воспоминаніемъ какой-то чудной были
И сердце мнѣ щемитъ...
Всѣ сгибли, полные надеждами святыми,
И въ блескѣ силъ своихъ,
И я, осиротѣвъ, я плачу и надъ ними,
И надъ мечтами ихъ!..

Ахъ! жизнь моя уже печалями богата;
Уже за мной въ пути
Есть нѣсколько могилъ, есть горе и утрата...
Прости мнѣ, другъ, прости...
Я больше наводить тоски тебѣ не буду
Непрошеной слезой,
И въ воды быстрыя закидываю уду,
На все махнувъ рукой.

Поѣздка въ Италію побудила Аполлона Николаевича написать два прозаическіе разсказа: «Прогулка по Риму съ моими знакомыми» и «Пикникъ во Флоренціи», которые были помѣщены въ «Современникѣ» 1848 года.

VIII.

По возвращеніи изъ-за границы, въ сентябрѣ того же 1844 г., Аполлонъ Николаевичъ былъ переведенъ изъ департамента государственнаго казначейства на службу въ Румянцевскій музей помощникомъ библіотекаря. Къ тому же времени относится его знакомство съ тогдашними литературными корифеями: Бѣлинскимъ, Панаевымъ, Краевскимъ, Тургеневымъ, Григоровичемъ, Некрасовымъ и другими. Знакомство съ кружкомъ Бѣлинскаго, кружкомъ, на который молодой поэтъ смотрѣлъ тогда съ чувствомъ какого-то благоговѣнія, не осталось безъ вліянія на многія его тогдашнія произведенія,— «отчего они», по мнѣнію самого Аполлона Николаевича— «вышли фальшивы, ибо по неволѣ я подражалъ въ направленіи и во взглядахъ, въ сущности не понимая ихъ и полагая, что иначе и нельзя, такъ должно быть». Сознаніе этого искусственнаго настроенія въ тогдашнихъ

произведеніяхъ Аполлона Николаевича заставило его не помѣщать этихъ пьесъ въ послѣднихъ изданіяхъ его стихотвореній; такъ, между прочимъ, исключены двѣ поэмы: «Машенька» и «Двѣ судьбы». Тѣмъ не менѣе въ этотъ кружокъ онъ продолжалъ ходить, такъ сказать «въ гости». Дома за то былъ свой, задушевный кружокъ товарищей и друзей семьи Майковыхъ: Цейдлеръ, Дудышкинъ, докторъ Яновскій, Гончаровъ, братъ Валеріанъ Николаевичъ; нѣсколько позднѣе въ этотъ кружокъ вошелъ Ѳ. М. Достоевскій. Съ послѣднимъ особенно по душѣ сблизился Аполлонъ Николаевичъ и дружба ихъ продолжалась до самой смерти Ѳедора Михайловича.

Говоря о Бѣлинскомъ мнѣ вспоминается анекдотъ, разсказанный однажды самимъ Аполлономъ Николаевичемъ. Какъ-то на вечерѣ, если не ошибаюсь, у М. А. Языкова, играли въ карты: Бѣлинскій, Гончаровъ, Панаевъ и еще кто-то изъ тогдашнихъ литераторовъ. Бѣлинскій и за картами, со свойственнымъ ему жаромъ, проповѣдывалъ свою любимую идею того времени, что искусство обязано служить практическимъ цѣлямъ, что чистое искусство есть ложь, праздная и безполезная забава, и т. д. Закончивъ свою горячую тираду, Бѣлинскій вскочилъ, подбѣжалъ къ камину и столь же энергично сталъ выбивать свою трубку. Увидя по направленію падающей золы чью-то пару сапогъ, онъ медленно сталъ поднимать глаза, чтобы узнать, кому они принадлежатъ, и увидалъ смущеннаго Аполлона Николаевича, на лицѣ котораго еще не изгладилось впечатлѣніе отъ словъ, произнесенныхъ ораторомъ. Быстрымъ движеніемъ швырнулъ Бѣлинскій свою трубку на полъ, схватилъ обѣими руками за плечи молодаго поэта, сильно потрясъ

его, какъ бы желая стряхнуть съ него все имъ навѣянное впечатлѣніе и съ жаромъ вскричалъ: «А вы, Майковъ, вы не слушайте, что я говорилъ! Вамъ это... избави Богъ!»

Когда съ 1846 и до половины 1847 г. Валеріанъ Майковъ завѣдывалъ критическимъ отдѣломъ «Отечественныхъ Записокъ», Аполлонъ Николаевичъ также принялъ участіе въ этихъ работахъ и затѣмъ до 1850 г., послѣ смерти брата, продолжалъ писать въ томъ же журналѣ рецензіи о книгахъ историческаго и литературнаго содержанія; ему принадлежитъ, между прочимъ, отзывъ о «Греческихъ стихотвореніяхъ» Щербины въ «Отеч. Зап.» 1850 г. Кромѣ того, съ 1847 г. по 1853 г. онъ печаталъ въ томъ же журналѣ, а также въ «Современникѣ», статьи объ академическихъ выставкахъ и помѣстилъ особую статью о выставкѣ картинъ Айвазовскаго («Отеч. Зап.» 1847 г.). Въ 1851 г. имъ была помѣщена статья о выставкѣ произведеній старинной живописи изъ частныхъ галлерей, устроенной съ благотворительною цѣлью, а въ 1852 г.—статья о графѣ Ѳ. П. Толстомъ и его рисункахъ къ «Душенькѣ» (обѣ въ «Отеч. Зап.»). Всѣ эти труды свидѣтельствуютъ о серьезныхъ занятіяхъ Аполлона Николаевича по исторіи искусства и доказываютъ, что если близорукость заставила его бросить кисть и палитру, то все-таки пластическими искусствами онъ не переставалъ интересоваться и впослѣдствіи.

IX.

Въ 1852 г. октября 29-го, Аполлонъ Николаевичъ перешелъ на службу изъ Румянцевскаго музея въ петер-

бургскій комитетъ иностранной цензуры исправляющимъ должность младшаго цензора; въ слѣдующемъ году былъ утвержденъ въ этой должности; въ 1875 г. ноября 7-го назначенъ былъ старшимъ цензоромъ, а въ 1882 г. іюля 26-го—предсѣдательствующимъ въ комитетѣ, и въ этой должности находится понынѣ, прослуживъ въ цензурномъ вѣдомствѣ слишкомъ 35 лѣтъ.

Въ архивѣ комитета иностранной цензуры отыскана мною переписка знаменитаго въ свое время Александра Ивановича Красовскаго, предсѣдателя комитета, съ министромъ народнаго просвѣщенія княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ о переводѣ Аполлона Николаевича на службу въ комитетъ. Переписка эта бросаетъ яркій свѣтъ на тогдашніе чиновные порядки, на ту новую среду, въ которую попалъ нашъ поэтъ, и рисуетъ незабвеннаго Красовскаго во весь его ростъ. Вотъ почему, я полагаю, будетъ здѣсь умѣстнымъ сказать объ этой перепискѣ нѣсколько словъ. Красовскій, въ своемъ донесеніи министру, писалъ, что для занятія вакантной должности младшаго цензора явились на испытаніе три лица: библіотекарь Румянцевскаго музея Майковъ, бывшій директоръ московской 2-й гимназіи Клепферъ и петербургской духовной академіи профессоръ Карповъ. «Каждый изъ нихъ», доноситъ Красовскій, — «разсмотрѣлъ въ моей квартирѣ около 20 сочиненій разнаго содержанія, на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а Майковъ, сверхъ того, еще 2 книги на италіанскомъ. Изъ написанныхъ ими мнѣній о разныхъ книгахъ и сравненія мнѣній каждаго разсматривателя порознь съ мнѣніемъ прочихъ двухъ, а потомъ и съ рапортами о тѣхъ же книгахъ гг. цензоровъ, можно было вывести общее заключеніе, что каждый изъ поименованныхъ

искателей цензорской должности къ исправленію оной оказался способнымъ. Впрочемъ, изъ трехъ искателей одного открывающагося въ комитетѣ мѣста младшаго цензора я долженъ отдать преимущество первому, то есть г. Майкову, не только потому, что онъ явился на испытаніе прежде двухъ другихъ, что онъ разсмотрѣлъ двумя книгами болѣе и притомъ на трехъ языкахъ, но еще и потому, что съ опредѣленіемъ его въ комитетъ, по увольненіи цензора Нагеля, этотъ послѣдній чиновникъ, прослужившій въ комитетѣ слишкомъ 14 лѣтъ, лишится не всего получаемаго имъ здѣсь содержанія, ибо въ этомъ случаѣ начальство Румянцевскаго музеума обѣщало предоставить ему мѣсто библіотекаря, занимаемое нынѣ г. Майковымъ. Посему имѣю честь представить вашему сіятельству объ опредѣленіи въ комитетъ, на первый случай, исправляющимъ должность младшаго цензора г. Майкова».

Въ этомъ донесеніи Красовскій вырисовывается во всемъ величіи строгаго отношенія къ своимъ обязанностямъ, правдиваго и гуманнаго начальника и, вмѣстѣ съ тѣмъ, во всей мелкотѣ педанта-чиновника и чудака. Въ немъ эти разнообразныя качества укладывались совершенно гармонически, и онъ производилъ впечатлѣніе человѣка съ цѣльнымъ, строго опредѣленнымъ характеромъ. Съ одной стороны, какъ въ высшей степени правдивый человѣкъ, у котораго личныя симпатіи не играли никакой роли въ выборѣ человѣка, какъ начальникъ, заботящійся о ввѣренномъ ему учрежденіи, онъ чуть ли не на четыре мѣсяца запирается въ своей квартирѣ съ тремя аспирантами на освобождающуюся вакансію, чтобы вполнѣ достовѣрно опредѣлить, кто изъ нихъ достойнѣе; а когда всѣ трое оказываются одинаково подходящими,

то чувство справедливости заставляетъ его предпочесть того, кто явился раньше и къ тому же разсмотрѣлъ двумя книгами болѣе. Также заговорило въ немъ и гуманное чувство, чтобы, опредѣливъ г. Майкова, дать уходящему изъ комитета цензору, испортившему свое зрѣніе усиленнымъ чтеніемъ, возможность занять освобождающееся мѣсто въ Румянцевскомъ музеѣ. Это одна сторона медали, рисующая Красовскаго съ честной, правдивой и, пожалуй, симпатичной стороны. А теперь и другая, комическая: начальникъ административнаго учрежденія разсаживаетъ въ разныхъ углахъ своей квартиры — какъ школьниковъ на экзаменѣ — поэта, сдѣлавшаго себѣ уже громкое имя, бывшаго директора гимназіи и бывшаго профессора духовной академіи, переводчика Платона,—и производитъ надъ ними курьезные эксперименты въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ, и судьею-экспертомъ ставитъ лишь одного себя, между тѣмъ какъ уровень образованія его несомнѣнно былъ ниже его soi-disant экзаменующихся аспирантовъ! И затѣмъ: стоитъ ли выдѣлки овчинка, чтобы тратить на нее столько времени, столько усилій и по крайней мѣрѣ сто листовъ казенной бумаги?

Когда Аполлона Николаевича назначили исправляющимъ должность цензора, а «исправляющимъ—на всякій случай», какъ сказано было въ донесеніи къ министру, потому что Красовскій, при своей мнительности, не былъ еще достаточно увѣренъ, обладаетъ ли нашъ поэтъ достаточными способностями для отправленія цензорской должности, — то Красовскій счелъ своею обязанностью препроводить Аполлону Николаевичу оффиціальное напутствіе въ слѣдующей формѣ: «Сообщая вамъ о назначеніи васъ исправляющимъ должность младшаго цен-

зора ввѣреннаго мнѣ комитета, покорнѣйше васъ прошу вступить въ исправленіе оной. Я надѣюсь, что вы будете исполнять обязанности цензора со всѣмъ усердіемъ и пользою для вашей новой службы, руководствуясь въ точности Высочайше утвержденнымъ уставомъ о цензурѣ, предписаніями начальства и совѣтами опытнѣйшихъ сослуживцевъ вашихъ».

Въ 1852 году Аполлонъ Николаевичъ задумалъ вступить въ бракъ и подалъ прошеніе начальству о выдачѣ ему установленнаго на сей случай свидѣтельства. Красовскій, зная отлично, что Аполлонъ Николаевичъ не женатъ, «дабы не учинить ошибки», потребовалъ къ себѣ формуляръ Аполлона Николаевича и провѣрилъ *свое знаніе* отмѣткой, въ соотвѣтствующей графѣ, удостовѣряющей, что г. Майковъ холостъ. Но и этого ему показалось мало: чтобы не отвѣчать передъ Богомъ и Царемъ за могущую произойти оплошность, въ случаѣ если бы писецъ, переписывающій формуляръ, ошибся, Красовскій послалъ начальнику Румянцевскаго музея барону М. А. Корфу запросъ: дѣйствительно ли бывшій его подчиненный холостъ? Только получивши утвердительный отвѣтъ, онъ рѣшается, наконецъ, выдать свидѣтельство и подписываетъ его слѣдующимъ титуломъ: «Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя моего тайный совѣтникъ, предсѣдатель комитета иностранной цензуры и разныхъ орденовъ кавалеръ А. И. Красовскій».

Еще послѣднее сказаніе о Красовскомъ. Въ 1854 г. Красовскій нашелъ, что «г. Майковъ пріобрѣлъ достаточный навыкъ къ отправленію цензорской должности и своими способностями и знаніемъ многихъ языковъ и постояннымъ усердіемъ былъ всегда полезнымъ для ко-

митета чиновникомъ. О значительныхъ трудахъ его» — писалъ Красовскій министру — «въ показанное время упомянуто въ представленномъ вашему высокопревосходительству подробномъ отчетѣ о дѣятельности комитета за 1853 г. Изъ сего отчета явствуетъ, что въ послѣдніе два мѣсяца 1852 года и въ продолженіе 1853 года г. Майковъ разсмотрѣлъ 223 книги на 4 языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ, италіанскомъ и англійскомъ; въ этихъ прочитанныхъ книгахъ было 101,329 стран. въ 8 долю листа. Отдавая справедливость испытаннымъ способностямъ и трудамъ г. коллежскаго ассессора Майкова въ исправленіи должности младшаго цензора комитета цензуры иностранной и, съ тѣмъ вмѣстѣ, желая поощрить его къ продолженію дѣятельной и полезной службы его въ немъ, имѣю честь нынѣ покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство объ утвержденіи этого чиновника младшимъ цензоромъ ввѣреннаго мнѣ комитета». Когда А. С. Норовъ утвердилъ Аполлона Николаевича въ занимаемой имъ должности, то Красовскій далъ ему предписаніе, въ коемъ, увѣдомляя о семъ фактѣ, поздравлялъ его съ таковымъ блестящимъ результатомъ, заслуженнымъ его усердными и полезными трудами». Сколько, подумаешь, свободнаго времени имѣли, въ доброе старое время, чиновники считавшіеся *отмѣнными дѣльцами!*

X.

На событія 1853 — 1854 годовъ, поднявшія патріотическій духъ всего русскаго народа, не могла не откликнуться и душа молодаго поэта. Подъ этими впечатлѣ-

ніями Аполлонъ Николаевичъ написалъ рядъ стихотвореній, изданныхъ въ особой книжкѣ подъ заглавіемъ: «1854 годъ». Сборникъ этотъ подалъ поводъ къ рецензіи въ «Современникѣ» 1855 г., написанной Н. А. Некрасовымъ. Въ началѣ статьи Некрасовъ выписываетъ слѣдующее стихотвореніе:

Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный
И въ стихъ его облечь—блаженство для меня!
Меня гармоніи тогда плѣняли тайны
И самъ своихъ стиховъ заслушивался я.
Я ими тѣшился, ихъ мѣрно повторяя
Украдкой, какъ скупецъ, который по ночамъ
Червонцы по столу горстьми пересыпая,
Какъ-бы невѣдомымъ внимаетъ голосамъ.
Теперь не служитъ стихъ мнѣ *праздною забавой.*
Онъ рвется изъ души, какъ откликъ боевой
На зовъ торжественной отечественной славы.

Затѣмъ Некрасовъ говоритъ: «Въ этихъ немногихъ строкахъ находится полное объясненіе того направленія, которое въ послѣднее время приняла муза г. Майкова... Такъ, теперь стихъ уже не служитъ поэту *праздною забавой*, по его собственному выраженію, съ которымъ, впрочемъ, мы не совсѣмъ согласны, ибо никогда не согласимся признать праздною забавой нѣсколько превосходныхъ стихотвореній, которыми поэтъ обязанъ прежнимъ предметамъ своего вдохновенія... Публика», говоритъ далѣе Некрасовъ, — «конечно будетъ безпристрастнѣе, и, отдавая должную справедливость новымъ произведеніямъ г. Майкова, не будетъ называть прежнихъ праздною забавой... Новое направленіе, одушевляющее лиру г. Майкова, — отголосокъ того чувства, которымъ нынѣ

проникнуто сердце всякаго русскаго патріота; оно вызвано справедливымъ убѣжденіемъ нашего поэта, что

Не полны воинскіе лавры
Безъ звона неподкупныхъ лиръ.

«Г. Майковъ созналъ, что на немъ, какъ на поэтѣ, равнаго которому въ настоящее время едва ли имѣетъ Россія, прямымъ образомъ лежитъ обязанность сдѣлаться органомъ общаго чувства. Онъ смѣло приступилъ къ исполненію этой обязанности и послѣ нѣсколькихъ стихотвореній, разсѣянныхъ въ журналахъ, даритъ намъ небольшую книжку съ заглавіемъ «1854», къ событіямъ котораго относится ея содержаніе». Приводя отрывокъ изъ стихотворенія: «Пастухъ»:

Ахъ, дорога-ль моя, ты дороженька!
Какъ пришло тебѣ твое времячко
Не дорогой ты, стала улицей.
Разлетѣлися галки, вброны,
По березничку въ сторонѣ сидятъ:
Сѣрый заинька въ кустикъ спрятался,
Приложилъ ушки, самъ дрожитъ какъ листъ;
Господа-ль катятъ, шестерикъ валитъ,—
Въ сторонѣ и тѣ дожидаются;
Тройка-ль бойкая несетъ купчика,
Пьянъ ямщикъ стоитъ, гонитъ что есть силъ,—
Да и ты купецъ поворачивай:
Ровно птицы снуютъ все фельдегери.
Только утро—свѣтъ замерещится
Ужь скрыпучь обозъ безъ конца ползетъ,
Все добро везутъ, кладь казенную.
Вслѣдъ полки идутъ,—ѣдетъ конница,—

рецензентъ восклицаетъ: «Эти прекрасные опыты въ чисто-народномъ духѣ показываютъ намъ, что талантъ Майкова столь-же гибокъ, какъ и силенъ... Если стихъ г. Майкова», заключаетъ Некрасовъ, «прибавилъ хотя единую искру одушевленія къ той массѣ патріотическаго энтузіазма, которымъ преисполнены русскія сердца, то поэтъ, измѣнивъ направленіе согласно требованіямъ современности, поступилъ прекрасно и благородно — даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ эта перемѣна послужила въ ущербъ его таланту».

XI.

Патріотическое настроеніе, овладѣвшее нашимъ поэтомъ во время Крымской войны, ярко выразилось въ письмѣ его къ А. Ѳ. Писемскому, помѣщенному въ «С.-Пб. Вѣдомостяхъ» за 1854 г. Въ письмѣ этомъ Аполлонъ Николаевичъ говоритъ, между прочимъ: «Нынѣшняя война въ нашей частной жизни, въ исторіи нашихъ убѣжденій — событіе столько-же рѣшительное, столько-же важное, какъ и въ политическомъ мірѣ. Надобно быть слѣпымъ упрямцемъ, улитко-подобною флегмой, чтобъ не отѳзваться на ту электрическую искру, которая потрясла всѣ сословія русскаго народа. Съ какимъ-то судорожнымъ напряженіемъ ожидаю, что̀ изъ этого будетъ; и не могу еще обхватить мыслью и связать въ одно стройное цѣлое, въ одну картину того, что̀ внутреннее сознаніе цѣлаго народа говоритъ ему, что̀ онъ такое, на что̀ онъ призванъ и какія силы въ немъ хранятся. Я готовъ пророчить, что нынѣшнія событія—величайшій шагъ въ нашемъ развитіи; съ нихъ начнется новый періодъ нашей

исторической жизни, уже потому, что они заставили всѣхъ и каждаго вдругъ, внезапно остановиться и спросить себя: кто-же ты? И каково-бы ни было образованіе каждаго, изъ какихъ-бы источниковъ ни почерпнулъ онъ свои знанія и мнѣнія, всѣ въ одинъ голосъ, въ одинъ мигъ должны были разрѣшить этотъ вопросъ и единодушно, передъ судомъ совѣсти, отвѣтить: я Русскій!..» «Ничто не подавило въ нашемъ сознаніи, что можно быть ученымъ и образованнымъ человѣкомъ и чувствовать, что мы въ то же время Русскіе, и что въ насъ превыше всего одно святое чувство любви къ отечеству!.. На насъ, писателяхъ, лежитъ великій долгъ — увѣковѣчить то, что чувствовали вмѣстѣ со всѣми. Намъ слѣдуетъ уяснить и осязательно нарисовать тотъ идеалъ Россіи, который ощутителенъ всякому».

Это восторженно-патріотическое настроеніе Аполлона Николаевича было знаменіемъ, что въ эпоху Крымской войны образъ мыслей его достигъ зрѣлости: по направленію своему поэтъ приблизился къ воззрѣніямъ московскихъ славянофиловъ и отдалился отъ тѣхъ западническихъ пристрастій, которыя рѣшительно преобладали въ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ. Послѣдовавшее около того времени знакомство Аполлона Николаевича съ М. П. Погодинымъ и молодою редакціей «Москвитянина» имѣло сильное на него вліяніе.

Въ одномъ позднѣйшемъ дружескомъ письмѣ къ П. А. В. вотъ какъ разъясняетъ Аполлонъ Николаевичъ свое тогдашнее состояніе: «Дѣло здѣсь идетъ объ *убѣжденіяхъ*. Смѣшное и трагическое дѣло! Что̀ такое убѣжденіе у молодаго человѣка 20-ти, 25-ти лѣтъ? Этого вообще, а у насъ въ мою юность и слухомъ не слыхали и слова не знали. Это все-таки то, что̀ кругомъ себя

слышишь и что̀ вычитываешь; плода собственнаго опыта и изученія быть еще не можетъ, за отсутствіемъ того и другаго. Мы же росли какъ грибы, какъ деревья. Я выросъ въ московской семьѣ: слава отечества, отецъ раненъ подъ Бородинымъ, и пр.; воспитывались, чтобъ быть образованными людьми; въ университетѣ ужь искали *истины;* товарищи мои (братъ, Цейдлеръ, Дудышкинъ, Заблоцкій Михаилъ), въ лабиринтахъ философіи искали *абсолюта;* для жизни искали идеала: *какимъ быть?* переходили отъ стоиковъ къ эпикурейцамъ. Менѣе всего, впрочемъ, знали христіанскій идеалъ—не въ ту сторону шли поиски; и вотъ почему мнѣ христіане не давались такъ долго для «Двухъ міровъ». Или лучше сказать надо такъ: выросли мы безсознательно на христіанской и русской почвѣ и въ дѣйствіяхъ своихъ были конечно христіанами и Русскими; но свои отношенія къ міру приравнивали то къ тому, то къ другому философскому ученію. Вдругъ налетѣла буря Бѣлинскаго: новыя идеи о бракѣ, что онъ не нуженъ... жоржъ-зандизмъ... о соціальныхъ условіяхъ; старый міръ съ его религіей, устройствомъ общества отживаетъ, нуженъ новый... словомъ, западничество дохнуло всею своею силой и охватило, конечно, и меня, но не вполнѣ, и вотъ почему: потому что матушка моя, какъ москвичка, выписывала и «Москвитянинъ» Погодина; а въ немъ другое вѣяніе, а главное, что̀ меня въ немъ плѣнило—это открытіе славянскаго міра. То есть это было такъ: міръ «Москвитянина», вмѣстѣ съ занятіями русской исторіей, были для меня главное, чѣмъ я старался овладѣть; другая кровная забота были стихи. А соціальные вопросы — какъ-бы сторона... пусть все это рѣшаютъ другіе, я беру ужь какъ готовое, отметая только то, что̀ мнѣ не нра-

вится, напримѣръ, казарменная жизнь въ фаланстеріяхъ и общественныя работы; ну, а общественныя кухни пусть заведутъ—можетъ-быть, дешевле будетъ, если при томъ меня не будутъ заставлять стряпать. Насчетъ брака—тоже нравилось, особенно насчетъ замужнихъ дамъ; да при томъ все это хорошо, какъ темы или точки зрѣнія для сочиненій; хотѣлось, напримѣръ, написать италіанскую поэму,—ну, такъ героя взять изъ современныхъ представителей (въ «Двухъ судьбахъ»), передовыхъ людей, въ родѣ Печорина, только университетскаго и начитавшагося твореній Бѣлинскаго, — хотя такого героя, какъ тамъ взятъ Владиміръ, я и не видывалъ, и въ себѣ не чувствовалъ. Отъ этого этотъ Владиміръ—такой двойственный: въ немъ и русскія чувства изъ «Москвитянина», онѣ-же и мои истинныя, и Бѣлинскаго западничество. А милый М. до сихъ поръ еще что-то въ немъ находитъ особенное и говоритъ о немъ серьезно. Но это поощрялось литературой и испортило многія пьесы въ моихъ стихахъ этой средней эпохи моей. Такимъ образомъ выходило, что я къ западникамъ не примкнулъ, хотя посѣщалъ ихъ, а славянофиловъ въ Петербургѣ не было, чтобы живое воздѣйствіе ихъ могло бы благословить и оплодотворить мое сердце и фантазію и дать устой уму».

Чтобы еще рельефнѣе охарактеризовать эту замѣчательную эпоху перелома въ образѣ мыслей нашего поэта, эту переходную или, какъ онъ самъ называетъ, «среднюю» эпоху его творческой дѣятельности, когда онъ обнаружилъ столько чуткости къ кореннымъ началамъ русской жизни и къ общественному возбужденію, послѣдовавшему въ Крымскую войну и за нею, приведу еще выдержки изъ константинопольскаго письма Апол-

лона Николаевича ко мнѣ: «Эпоха реформъ, брань на старое опять ошеломила меня, но уже тутъ было столько жизненнаго, независимаго отъ литературы, что я радъ былъ, что великія идеи новаго царствованія открыли новые горизонты и эти горизонты открыты самимъ Государемъ... Около этого времени познакомился я съ молодою редакціей «Москвитянина», съ Аполлономъ Григорьевымъ, Островскимъ, Писемскимъ, Эдельсономъ и съ самимъ Погодинымъ, со славянофилами. Здѣсь показалось мнѣ болѣе правды, чѣмъ въ западническомъ наклонѣ; но принявъ кое-что изъ идей старыхъ славянофиловъ, я не могъ принять вполнѣ ихъ ученія, принялъ основы, почуя въ нихъ историческую правду, но отвергъ выводы какъ фантастическіе и отвергающіе исторію, а въ ней и цѣлую россійскую имперію. На почвѣ славянофиловъ, но съ твердою идеей государства, и съ полнымъ признаніемъ послѣ-петровской исторіи были тогда Погодинъ и Катковъ: это цѣльно, это органически разумно и это меня сблизило съ ними. За симъ знакомство съ Ѳ. И. Тютчевымъ и его расположеніе ко мнѣ, все скрѣпленное пятнадцатилѣтнею службою вмѣстѣ и частыми бесѣдами и свиданіями, окончательно поставило меня на ноги, дало высокія точки зрѣнія на жизнь и міръ, Россію и ея судьбы въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ, и сообщило тотъ устой мысли, на коемъ стою и теперь, и на коемъ воспиталъ свое семейство. Этотъ устой далъ при этомъ еще одно благо — полную независимость и свободу мысли отъ постороннихъ вліяній. Напротивъ, самъ многихъ вывелъ изъ мрака и шатанія. Такимъ образомъ завершился періодъ исканія правды въ философіи, религіи, политикѣ. Нравственная евангельская правда одна съ малолѣтства не была поколеблена, плюсъ

нѣкоторыя рыцарскія, фамильныя преданія. Когда все это установилось и отошло на задній планъ, тогда только началось настоящее творчество, въ связи отчасти съ непредвидѣнными событіями жизни, отчасти съ ходомъ внутренней работы мысли».

Приведенныя строки такъ живо рисуютъ ту внутреннюю борьбу, которая совершалась въ душѣ поэта вслѣдствіе вліянія разныхъ, нерѣдко противоположныхъ, вѣяній, такъ ясно раскрываютъ передъ нами картину духовнаго органическаго развитія Аполлона Николаевича и дышатъ такою неподдѣльною искренностью, что я очень счастливъ, что могу украсить ими настоящій очеркъ.

XII.

Въ 1858 году вышло два тома «Стихотвореній Аполлона Майкова», въ изданіи графа Г. А. Кушелева-Безбородко. Покойный А. В. Дружининъ, въ январской книжкѣ «Библіотеки для чтенія» 1859 года, по поводу выхода въ свѣтъ этихъ двухъ томовъ стихотвореній Аполлона Николаевича, въ весьма лестныхъ выраженіяхъ коснулся того перелома въ направленіи поэта, который совершился въ половинѣ 50-хъ годовъ, и отношенія къ нему тогдашней критики. Дружининъ говоритъ между прочимъ: «Впечатлѣніе, произведенное на нѣкорую часть строгихъ цѣнителей патріотическими произведеніями г. Майкова, было необыкновенно странно и, не взирая на свою нелогичность, плодотворно для поэта. Новая, воинственная дидактика, проводимая въ показанныхъ нами стихотвореніяхъ, возбудила въ лите-

ратурѣ столько же порицаній, сколько похвалъ было когда-то возбуждено Майковскою дидактикой перваго періода (особенно поэмою «Двѣ судьбы»). Лучшіе органы нашей журналистики не раздѣляли этого охужденія, но за то весь задній дворъ русской литературы съ озлобленіемъ великимъ накинулся на прежде прославляемаго поэта. Г. Майкова безъ церемоніи называли шаткимъ мыслителемъ, угодникомъ неразвитой толпы, отступникомъ отъ прежнихъ гуманныхъ теорій, — въ его стихахъ видѣли не добрую цѣль, не національныя стремленія, не весьма понятное чувство воспріимчиваго человѣка, увлеченнаго блескомъ и обстановкой военныхъ подвиговъ, но какой-то недостойный разчетъ, чуждый душѣ благороднаго писателя. Критика заднихъ дворовъ журналистики никогда не отличается разборчивостью: у кого на душѣ много грязи, тотъ самъ (можетъ быть, для успокоенія своей совѣсти), силится видѣть грязь во всемъ существующемъ. Само собою разумѣется, выходки вздорныхъ, бездарныхъ писакъ не могли огорчить г. Майкова, но къ выходкамъ этимъ вскорѣ присоединилось осужденіе болѣе серьезное. Во всякой литературѣ имѣется большое количество лицъ честныхъ и трудолюбивыхъ, хорошо владѣющихъ перомъ, но ровно ничего не понимающихъ въ дѣятельности поэтовъ и въ законахъ поэзіи. Всѣ эти лица, по устройству своего разсудка, способны видѣть поэзію лишь въ одной дидактикѣ, и въ томъ винить ихъ трудно: дидактика, кажется, для нихъ то же, что сюжетъ оперы для слушателя, лишеннаго всякой музыкальности. Ничего не смысля въ высочайшемъ дарѣ небесъ — вдохновеніи, они отъ вдохновенныхъ пѣвцовъ ждутъ того же, чего слушатель, сейчасъ упомянутый, ждетъ отъ опернаго либретто, т. е. фактической стороны, внѣшняго интереса,

нѣкоторой задорности. Какъ для опернаго зрителя «Донъ-Жуанъ» несравненно занимательнѣе, чѣмъ «Севильскій цырюльникъ», — такъ для честнаго, но неразвитаго въ поэтическомъ смыслѣ цѣнителя, обличительная повѣсть важнѣе Гончаровскаго романа и Пушкинское стихотвореніе меркнетъ въ сравненіи съ какою-нибудь современною сатирой. Такіе-то почтенные люди—истинная чума для поэтовъ—присоединили свой голосъ къ голосу ничтожныхъ крикуновъ, присоединили его не изъ злобы и разчета, но вслѣдствіе искренняго убѣжденія, искренняго недовольства новымъ направленіемъ г. Майкова. Возгласы ихъ были довольно сильны, и выдалось нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ почти вся русская новая литература стала къ Ап. Майкову въ крайне недружелюбное положеніе. Для нашего незлобнаго пѣвца наступило самое тяжелое время, но онъ пережилъ его съ честью, не уступая общему голосу и не раздражая его какою-нибудь извинительною въ ту пору протестаціей. Его терпѣніе въ скорости получило свою награду—ибо, какъ мы уже сказали выше, реакція цѣнителей противъ Майковскаго дарованія имѣла свои полезныя, плодотворныя послѣдствія. Первымъ и важнѣйшимъ изъ послѣдствій этихъ было конечное убѣжденіе самого г. Майкова въ полной несостоятельности всякаго дидактическаго или поучительнаго направленія въ поэзіи. Поученіе, которому поэтъ служилъ въ сороковыхъ годахъ, столкнулось съ поученіемъ, впослѣдствіи его увлекшимъ, — и къ величайшему счастію для всѣхъ насъ, столкновеніе это въ конецъ сокрушило оба поученія... Отвѣчая всему живому и человѣческому, г. Майковъ *выучился уважать тѣ границы, въ которыхъ должна держаться дѣятельность поэта истиннаго,* вполнѣ призналъ основы и

серьезность вліянія, какое всякій поэтъ можетъ имѣть на общество, ему современное. *Навсегда отстранившись отъ партій въ дѣлѣ поэзіи, онъ не только поставилъ свое призваніе превыше всякой временной партіи, но, такъ сказать, подчинилъ себѣ все временное и преходящее, мирно замыкая въ свои пѣсни лишь одно то, что вѣчно и всесторонне».* Вѣрнѣе и правдивѣе охарактеризовать этотъ періодъ внутренняго перерожденія поэта, какъ это сдѣлалъ Дружининъ въ своей статьѣ, не возможно, и эта характеристика вполнѣ согласуется съ выше приведенными словами самого Аполлона Николаевича, написанными въ прошломъ году.

Дружининъ вѣрно отмѣтилъ и другую черту поэтической дѣятельности Аполлона Николаевича; онъ указалъ на то, съ какою строгостью поэтъ отнесся къ произведеніямъ своей музы, какъ много заботился онъ о совершенствованіи своего дарованія: «Въ этихъ двухъ томахъ», говоритъ критикъ,—«едва-ли найдется неловкая риѳма, неровный стихъ, небрежный оборотъ рѣчи или торопливо набросанное заключеніе. Провѣрьте нѣкоторыя изъ Майковскихъ стихотвореній, уже бывшихъ въ печати, съ рецензіями по поводу этихъ стихотвореній, — вы найдете, что въ настоящемъ ихъ изданіи авторъ принялъ къ свѣдѣнію всѣ дѣльныя указанія критиковъ (иногда очень темныхъ), округлилъ и сгладилъ всѣ стороны, носившія въ себѣ отпечатокъ несовершенства, изгнавъ всѣ неточныя выраженія, замѣнилъ всѣ тирады, замѣченныя въ нѣкоторой сухости, новыми образами, отличающимися рельефностью исполненія или сжатой силою слога. Къ поэту, до такой степени строгому и чуткому на всякое полезное указаніе, только самая презрѣнная критика», заключаетъ Дружининъ,—«можетъ от-

нестись съ излишнею строгостью». Подводя итогъ своему сужденію, Дружининъ слѣдующими словами характеризуетъ талантъ Аполлона Николаевича: «Это — поэтъ-художникъ, поэтъ-пластикъ, но не лирикъ; писатель замѣчательный мастерскою, спокойною отдѣлкою своихъ стихотвореній, онъ съ перваго своего появленія передъ русскою публикою, сталъ поэтомъ мысли и безтрепетно принялъ на себя весь нескончаемый трудъ, сопряженный съ этимъ званіемъ».

Другой критикъ того-же времени, Аполлонъ Григорьевъ, о талантѣ Аполлона Николаевича выражается такъ: «Г. Майковъ, поэтъ съ преобладаніемъ объективности въ творчествѣ, прекрасно понимаетъ все обаяніе пластической красоты, завѣщанной намъ вѣчною Греціей. Способность же понимать красоту въ античномъ смыслѣ — предполагаетъ чутье изящнаго въ человѣкѣ и объективность въ талантѣ поэта».

Изъ произведеній Аполлона Николаевича, заключавшихся въ Кушелевскомъ изданіи, Дружининъ съ особенною теплотою останавливается на нѣкоторыхъ сценахъ изъ древняго міра, на «въ высшей степени замѣчательныхъ» стихотвореніяхъ: «Нива», «Звуки ночи», «Осень», «Импровизація», на краткой художественно-законченной поэмѣ «Рыбная ловля» и на двухъ поэмахъ: «Савонарола» и «Три смерти», «обозначившихъ собою — по мнѣнію критика — новую ступень развитія въ поэтѣ и новую область для всей его дѣятельности». Вотъ отрывокъ изъ этой послѣдней поэмы:

Жизнь хороша, когда мы въ мірѣ
Необходимое звено,

Со всѣмъ живущимъ заодно;—
Когда не лишній я на пирѣ;
Когда идя съ народомъ въ храмъ
Я съ нимъ молюсь однимъ богамъ...
Когда-жь толпа, съ тобою розно,
Себѣ воздвигнувъ божество,
Слѣдитъ съ какой-то злобой грозной
Движенья сердца твоего;
Когда указываетъ пальцемъ,
Тебя завидѣвъ далеко,—
О, жить отверженнымъ скитальцемъ,
Друзья, повѣрьте, нелегко!
Остатки лучшихъ поколѣній,
Съ ихъ древней доблестью въ груди,
Проходимъ мертвые, какъ тѣни,
Мы какъ шуты на площади!
И незамѣтно вѣтеръ крѣпкій
Потопитъ насъ среди зыбей,
Какъ обезсмысленныя щепки
Побѣдоносныхъ кораблей...
Нашъ вѣкъ прошелъ. Пора намъ братья!
Иные люди въ міръ пришли;
Иныя чувства и понятья
Они съ собою принесли...
Быть можетъ, вѣруя упорно
Въ преданья юности своей,
Мы леденимъ, какъ вихрь тлетворной,
Жизнь обновленную людей.
Быть можетъ... истина не съ нами!
Нашъ умъ ея уже нейметъ,
И ослабѣвшими очами
Глядитъ назадъ, а не впередъ,

И свѣта истины не видитъ,
И вопіетъ: «спасенья нѣтъ!»
И, можетъ быть, иной пріидетъ,
И скажетъ людямъ: «вотъ гдѣ свѣтъ!»
Нѣтъ! намъ пора!.. Открой мнѣ жилы!..
О, величайшее изъ благъ —
Смерть! ты теперь въ моихъ рукахъ!..
Сократъ! учитель мой! другъ милый!
Къ тебѣ иду!..

XIII.

Въ ноябрѣ 1857 г. министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ, признавая необходимымъ пересмотрѣть цензурный уставъ 1828 года и согласить съ нимъ отдѣльныя распоряженія по цензурѣ, для приведенія устава въ полное и законное единство, образовалъ для этой цѣли временный комитетъ подъ предсѣдательствомъ товарища своего и пожелалъ, чтобы въ составъ этого комитета былъ командированъ А. Н. Майковъ, съ возложеніемъ на него, вмѣстѣ съ тѣмъ, и производства дѣлъ этого комитета. Но не успѣлъ Аполлонъ Николаевичъ исполнить возложенное на него порученіе, какъ въ августѣ слѣдующаго (1858) года, по желанію Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала, Аполлонъ Николаевичъ былъ командированъ на годичный срокъ въ морское вѣдомство, для назначенія его въ морскую экспедицію, отправляемую въ Грецію и Архипелагъ. Готовясь къ этой поѣздкѣ, Аполлонъ Николаевичъ выучился новогреческому языку у Г. С. Дестуниса. Результатомъ обученія новогреческому языку были переводы ново-

греческихъ пѣсенъ, составляющіе новые перлы поэзіи г. Майкова, совершенно новаго и оригинальнаго характера. Корветъ «Баянъ», на которомъ плавалъ Аполлонъ Николаевичъ, изъ греческихъ водъ попалъ сперва въ Рагузу, Ниццу, затѣмъ въ Палермо и Неаполь. Это дало матеріалъ для «Неаполитанскаго альбома». Посѣщеніе корветомъ Кадикса дало, впослѣдствіи, краски для «Исповѣди королевы».

Русская исторія всегда была предметомъ, сильно интересовавшимъ Аполлона Николаевича. Еще возвратясь изъ перваго своего путешествія по Италіи, онъ сталъ заниматься ею. Эти занятія возобновилъ онъ съ новымъ увлеченіемъ по возвращеніи изъ-за границы въ 1859 году. Къ этому времени относится короткое его знакомство съ покойнымъ Н. И. Костомаровымъ, который тогда писалъ свои «Сѣверныя народоправства», съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, Е. А. Бѣловымъ и съ П. И. Мельниковымъ. Ихъ бесѣды уяснили поэту многое въ судьбахъ родной страны. Мельниковъ заинтересовалъ Аполлона Николаевича расколомъ и познакомилъ съ нѣкоторыми раскольниками, а также съ извѣстнымъ отцомъ Пареѳеніемъ. Въ раскольничьихъ преданіяхъ Аполлонъ Николаевичъ нашелъ цѣлый міръ поэзіи. Тогда-то, взявъ канву въ одной повѣсти Мельникова, онъ написалъ свою драматическую поэму «Странникъ», въ которой выразилъ свои поэтическія впечатлѣнія изъ этого міра.

Занятія поэта русскою стариной дали цѣлый рядъ стихотвореній изъ русской исторіи, моментовъ и лицъ, отмѣченныхъ оригинальнымъ пониманіемъ нашего прошлаго, а также «Разсказы изъ русской исторіи» въ прозѣ. Живое воображеніе поэта изъ скудныхъ указаній источниковъ возстановляло цѣлые образы, такъ что онъ не разъ

4

говаривалъ, что дошелъ до того, что ему казалось, будто онъ видитъ физіономіи князей удѣльнаго и московскаго періода и могъ бы ихъ нарисовать.

Изъ этого же цикла занятій возникъ и переводъ «Слова о полку Игоревѣ», снабженный замѣчательнымъ комментаріемъ. На мысль перевести этотъ перлъ древней русской поэзіи Аполлонъ Николаевичъ набрелъ совершенно случайно: старшему его сыну пришла въ гимназіи пора его проходить. Аполлону Николаевичу вздумалось прочесть этотъ интересный памятникъ вмѣстѣ съ сыномъ. Началъ онъ разбирать его по екатерининскому списку, изданному Пекарскимъ, сталъ дѣлить на части, руководясь единственно ходомъ творчества самого пѣвца. Построеніе «Слова» привело его въ восхищеніе, но для справки о темныхъ мѣстахъ пришлось взять русскіе переводы. Оказалось, что всѣ иначе дѣлятъ и понимаютъ «Слово», чѣмъ нашъ поэтъ; всѣ дробятъ памятникъ, и онъ является чѣмъ-то безсвязнымъ, отрывочнымъ. Аполлонъ Николаевичъ наскоро набросалъ свой переводъ и пошелъ къ И. И. Срезневскому показать его и попросить объясненія темныхъ мѣстъ. «Сами добивайтесь», отвѣчалъ строгій и осторожный ученый. Это подзадорило Аполлона Николаевича, и онъ рѣшился во что бы то ни стало добиться собственными усиліями благопріятнаго результата; сталъ читать лѣтописи, историковъ и все то, что писано о «Словѣ»; сталъ сравнивать его съ древнѣйшими поэтическими памятниками другихъ народовъ. Въ результатѣ этихъ трудовъ Аполлонъ Николаевичъ еще болѣе убѣдился въ правотѣ своего перваго впечатлѣнія, которое и передалъ въ своемъ переводѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ найдены были въ бумагахъ Жуковскаго и Пушкина также попытки спра-

виться съ «Словомъ о полку Игоревѣ», и что пріятно поразило Аполлона Николаевича, такъ это то, что результаты, къ коимъ пришли оба наши великіе поэта, почти тѣ же, какъ и у него.

Занимаясь «Словомъ о Полку Игоревѣ», Аполлонъ Николаевичъ долженъ былъ изучить миѳологическую теорію Макса Миллера — потомъ прочелъ «Шахъ-Намѐ», «Рамаяну» и наконецъ «Эдду». «Эдда» открыла г. Майкову новый міръ, въ который онъ погрузился всѣмъ своимъ существомъ. «Люди и ихъ воззрѣнія, вѣра и образы — все это какіе-то особенные», говорилъ Аполлонъ Николаевичъ, — «и какъ блѣдны и грубы передъ ними изъ нихъ же возникшіе «Нибелунги»? Надобно», говорилъ себѣ нашъ поэтъ, — «пересадить этотъ міръ на русскую почву». Сталъ онъ сначала переводить: перевелъ всѣ пѣсни о Гельгѣ — нѣтъ, это не то; хотя и вѣрно переведено, но не передано того, чтó въ подлинникѣ. Надобно, значитъ, самому создать; наконецъ, поэтъ наткнулся на миѳъ о Бальдурѣ. «Э! да вотъ гдѣ прототипъ всей послѣдующей Эдды!» воскликнулъ Аполлонъ Николаевичъ, взялъ его, обставилъ людьми, для коихъ это было вѣрой, этими желѣзными конунгами и вѣщими старцами, и изо всего матеріала создалъ уже свою поэму «Бальдуръ».

Не мало помогло Аполлону Николаевичу въ этой работѣ еще и то обстоятельство, что въ своемъ плаваніи корветъ «Баянъ», укрываясь отъ шторма, зашелъ въ норвежскій городокъ Арендаль, заселенный шкиперами и кептенами — «морскими волками»; да и на русскомъ-то корветѣ старшимъ офицеромъ былъ шведъ. Въ Арендалѣ поэтъ нашъ былъ свидѣтелемъ попоекъ морскихъ удальцовъ и разгула, среди котораго эти «волки»

пѣли свои пѣсни, притомъ безъ всякаго piano, а все прямо fortissimo. Припоминая эти встрѣчи, Аполлонъ Николаевичъ призналъ въ этихъ людяхъ потомковъ настоящихъ древнихъ Нормановъ, желѣзныхъ конунговъ. И ихъ-то образы, норвежскій пейзажъ и вся морская тамошняя жизнь уяснили ему «Эдду». «Матеріалы «Эдды», пишетъ Аполлонъ Николаевичъ въ своемъ константинопольскомъ письмѣ, — «сами по себѣ принадлежатъ почти къ примитивной поэзіи. Гомера на сѣверѣ не явилось, который бы ихъ слилъ въ одну пѣснь. Это, пожалуй, и произошло въ XII вѣкѣ, но уже не въ Скандинавіи, а въ Германіи, въ пѣвцѣ «Нибелунговъ»; но тамъ взята уже другая жизнь, позднѣйшая эпоха. Въ Греціи разработка пошла дальше: за Гомеромъ явился Эсхилъ. Величайшее его созданіе изъ дошедшихъ до насъ — это «Кассандра», и передать ее по-русски можно и должно было только переводомъ, но съ тѣмъ, чтобы при вѣрности филологическаго текста, былъ бы переданъ высоко-простой, мѣстами дико-величественный языкъ и образы — и на этомъ фонѣ стоитъ худой, блѣдный, съ глубоко глядящими глазами, слабо-женственный образъ Кассандры, которой Аполлонъ, за отверженную любовь, далъ даръ прозрѣнія въ будущее, но съ тѣмъ, что ей, страстно любящей своихъ, эти свои не будутъ вѣрить! «Сталъ ли я на эту высоту въ своемъ переводѣ», заключаетъ Аполлонъ Николаевичъ, — «пусть судятъ другіе!..»

Четыре года усиленныхъ занятій надъ «Словомъ о Полку Игоревѣ» были для г. Майкова, по его собственнымъ словамъ, вторымъ университетомъ, но уже по филологическому факультету; онъ сблизился въ это время съ филологами, изъ коихъ «незабвеннѣйшій» Мстиславъ Викторовичъ Праховъ, одаренный высокимъ поэтиче-

скимъ чутьемъ, при своей огромной эрудиціи, сдѣлался другомъ Аполлона Николаевича и нянькою всѣхъ его тогдашнихъ произведеній. О сухихъ ученыхъ Праховъ всегда говорилъ, что они дальше переплетовъ не идутъ; самъ же онъ забирался всегда въ самую глубь, въ самую святая святыхъ поэзіи изучаемыхъ имъ народовъ и отдѣльныхъ поэтовъ, древнихъ и новыхъ. «Такого пониманія», пишетъ Аполлонъ Николаевичъ,—«я ни до, ни послѣ него, никогда ни въ комъ не встрѣчалъ! Увы!» продолжаетъ Аполлонъ Николаевичъ,—«не на долго сводитъ судьба насъ съ людьми, которыхъ внутренняя жизнь вызываетъ и въ насъ подъемъ духа, и изъ которыхъ этотъ духъ жадно впитываетъ въ себя то чужое, что̀ имъ далось, и претворяетъ потомъ въ свое! Тютчевъ умеръ, Праховъ умеръ... Пошли новыя связи—тѣхъ уже не замѣнили; пошли люди уже болѣе молодые, которые, можетъ-быть, въ свою очередь, отъ насъ, стариковъ, взяли что-нибудь для своего развитія, какъ мы усвоивали когда-то отъ другихъ ушедшихъ!.. Счастливъ, кому выпало на долю быть хоть звеномъ соединяющимъ «славы обоеполы» своего времени!..»

Кстати скажемъ о покойномъ Тютчевѣ. Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ, извѣстный поэтъ и дипломатъ, другъ канцлера кн. А. М. Горчакова, въ 1860 г. былъ назначенъ предсѣдателемъ С.-Петербургскаго комитета иностранной цензуры и пробылъ въ этой должности до самой своей смерти въ 1872 году. Красовскій и... Тютчевъ!.. Какая бездна между этими двумя вершителями у насъ судебъ заграничной печати! По поводу назначенія Ѳ. И. Тютчева предсѣдателемъ комитета иностранной цензуры не можемъ не сказать, что оно произошло не безъ участія Аполлона Николаевича. Какъ только услышалъ

онъ о смерти Красовскаго, тотчасъ поспѣшилъ къ А. С. Норову, всегда относившемуся къ нему дружески, и высказалъ ему мысль, что человѣка болѣе способнаго, чѣмъ Тютчевъ, занять съ достоинствомъ открывшуюся вакансію—нельзя найти. «У васъ голова государственная!» стуча своею деревяшкой воскликнулъ Абрамъ Сергѣевичъ, самъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, герой Бородина, гдѣ у него оторвало ногу.

Назначеніе Тютчева было цѣлой революціей во внутренней жизни комитета. О личномъ вліяніи Ѳедора Ивановича на весь составъ его и говорить нечего: всѣ были крещены новымъ духомъ, а Аполлону Николаевичу это было поводомъ къ болѣе тѣсному сближенію съ человѣкомъ, который умѣлъ стоять всегда выше своего вѣка; зная прошедшее, вѣрно предсказывая будущее, онъ, въ великихъ событіяхъ своего времени, оказалъ не малое вліяніе на направленіе русской внѣшней политики.

XIV.

Въ 1879 г. вышли стихотворенія А. Н. Майкова, въ трехъ частяхъ, въ изданіи князя В. П. Мещерскаго. Въ это изданіе вошло не все то, что до тѣхъ поръ появлялось у Аполлона Николаевича въ печати, а опять-таки съ строгимъ выборомъ. Все, что не удовлетворяло автора по формѣ ли или по содержанію, или имѣло лишь временной интересъ, — подверглось остракизму. Многія піесы были отдѣланы или передѣланы вновь. Изъ болѣе крупныхъ вещей, не заключавшихся въ Кушелевскомъ изданіи, сюда вошли: «Исповѣдь Королевы», «Новогре-

ческія пѣсни», «Былины», «Странникъ», «Бальдуръ», «Пульчинелль», «Слово о Полку Игоревѣ» и «Два міра».

Въ 1884 г. вышло «Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова», въ изданіи А. Ф. Маркса, въ трехъ томахъ. Это изданіе, по счету четвертое, вновь исправлено и дополнено авторомъ. Сюда впервые вошли «Отзывы исторіи», поэмы: «Судъ предковъ», «Радойца» и «Два бѣса», «Разсказы изъ русской исторіи» (въ прозѣ), «Кассандра», «Княжна» (трагедія въ октавахъ) и наконецъ вѣнецъ творчества Аполлона Николаевича, трагедія: «Два міра» — совершенно передѣланная и теперь вполнѣ законченная.

Академикъ Я. К. Гротъ, въ публичномъ засѣданіи II-го отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1882 г., объявляя о присужденіи Аполлону Николаевичу полной Пушкинской преміи за «Два міра», заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Поэма г. Майкова въ цѣломъ составѣ своемъ, и съ внутренней, и съ внѣшней стороны, представляетъ столь крупное и замѣчательное явленіе, столь зрѣло обдуманное и тщательно обработанное художественное созданіе, что его нельзя не причислить къ тѣмъ пріобрѣтеніямъ нашей литературы, которыми она въ правѣ гордиться».

Н. Н. Страховъ, въ своемъ критическомъ разборѣ этой поэмы, составленномъ по порученію II-го отдѣленія Академіи, на вопросъ: чтò изображаютъ «Два міра?» отвѣчаетъ: «Тотъ огромный нравственный переломъ, то колебаніе человѣческой совѣсти, которое совершалось, когда міръ языческій уступалъ свое мѣсто міру христіанскому. Трагическая гибель цѣлой цивилизаціи, неспособной вмѣстить въ себѣ новыя начала, и появленіе но-

вой жизни, отрицающей основы стараго міра, этотъ великій контрастъ навсегда остается образцомъ человѣческаго прогресса и повторяется въ различныхъ формахъ и размѣрахъ въ каждую эпоху».

Содержаніе этой замѣчательной поэмы г. Страховъ резюмируетъ такъ: «Дѣйствіе происходитъ въ концѣ 60-хъ годовъ перваго столѣтія. Децій, отчасти по требованію Нерона, отчасти по собственной охотѣ, задумалъ свершить самоубійство и хочетъ сдѣлать это какъ можно публичнѣе, почему сзываетъ къ себѣ на пиръ избранное общество Рима. Своею смертью онъ желаетъ дать урокъ и заявить противъ тираніи протестъ. Такимъ образомъ передъ нами является цѣлая толпа типическихъ представителей древняго міра, и, лучшій изъ нихъ, Децій съ укоромъ и отвращеніемъ прерываетъ свою жизнь, кинувши въ лицо остальнымъ слово гнѣва и свои сокровища.

«Между тѣмъ въ тайнѣ подъ землею, совершается другая исторія. Въ катакомбахъ христіане тоже готовятся идти на смерть: ожидается декретъ, по которому они будутъ преданы мученіямъ. Авторъ выводитъ передъ нами разнообразныя сцены катакомбъ и изображаетъ энтузіазмъ, породившій мучениковъ. Но одна изъ христіанокъ, Лида, узнавъ о готовящемся самоубійствѣ Деція, волнуется еще другимъ чувствомъ. Она еще по-земному любитъ Деція; она мучится этою любовью, борется съ нею и наконецъ успѣваетъ преобразить ее въ другую, высшую, въ желаніе спасти душу любимаго человѣка.

«Лида приглашаетъ съ собою Марцелла, и они являются къ Децію въ ту минуту, когда онъ подноситъ

къ губамъ ядъ. Происходитъ долгая сцена, въ которой съ величайшей яркостью и контрастомъ высказываются христіанскія и языческія чувства. Децій сперва не понимаетъ обращенной къ нему проповѣди, потомъ упорно и горячо отстаиваетъ себя. Появляются, наконецъ, христіане, съ пѣніемъ гимновъ, идущіе изъ катакомбъ на казнь. Децій приходитъ въ изступленіе и ужасъ, понявъ, что видитъ предъ собою силу, грозящую гибелью всему языческому міру. Оставаясь вѣрнымъ этому міру, онъ выпиваетъ ядъ; онъ умираетъ, озлобленный и изумленный; Лида и Марцеллъ присоединяются къ христіанамъ, т. е. идутъ свершать и свое самопожертвованіе.

«Такимъ образомъ два міра сопоставлены здѣсь въ самыя торжественныя свои минуты; одни толпою пируютъ вокругъ человѣка, идущаго на послѣднее оставшееся ему геройство—самоубійство; другіе толпою идутъ на казнь, чтобы засвидѣтельствовать свою вѣрность Христу... Съ одной стороны — сенаторы, временщики, философы, гетеры, развратъ, рабство, эгоизмъ, жестокость и ненависть; съ другой—рабы, дѣти, матери, раскаявшіеся грѣшники и грѣшницы, любовь, смиреніе, прощеніе и самоотверженіе».

Достоинства этой трагедіи или лирической драмы г. Страховъ характеризуетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Въ выпуклыхъ образахъ, въ яркихъ краскахъ и живыхъ движеніяхъ выступаютъ передъ нами всякаго рода характерныя черты этихъ двухъ міровъ... Общія достоинства изложенія, ясность, точность, образность составляютъ для нашего поэта давнишнія художественныя привычки, отъ которыхъ онъ никогда не отступаетъ. Чтобы видѣть, въ какой высочайшей мѣрѣ онъ

мастеръ своего дѣла, укажемъ на его образность. Вотъ картина:

...Да гдѣ-же ты скрывалась?
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты по ристалищу промчалась
На колесницѣ золотой,
Сама конями управляла
И оглянулась на меня...
Весельемъ, розами сіяла,
Мнѣ въ даръ улыбку уроня!

«Такое-же полное мастерство», говоритъ критикъ,— «обнаруживаетъ авторъ въ передачѣ душевныхъ движеній посредствомъ соотвѣтственнаго теченія рѣчи. Гдѣ нужно, стихъ его звученъ и могучъ:

Рабы, Марцеллъ! Да гдѣ мы, гдѣ мы?
Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы,
Что намъ позоръ, имъ не позоръ,
Они предъ этими мужами
Не заливалися слезами,
Съ стыдомъ не потупляли взоръ!

«Но тамъ, въ катакомбахъ, среди сценъ вызывающихъ слезы на глаза читателя, слышатся и рѣчи мягкія, какъ воркованье:

Ужь ты-то очень мнѣ мила!
И скажешь-то такъ все понятно,
И рѣчь-то тихая твоя...
Ахъ, ты мой ландышъ ароматный,
Фіалка нѣжная моя!

«Когда Миртиллъ объявляетъ содержаніе указа, онъ невольно впадаетъ въ канцелярскій тонъ:

Предписано: по городамъ
И здѣсь, чтобъ завтра же явились
Всѣ къ квестерамъ и поклонились
Статуѣ кесаря, его
Признавши тутъ-же божество,
Какъ признается всей вселенной.
А воспротивятся — пойдутъ
Одни для травли въ циркъ, другіе
Рубашки вздѣнутъ смоляныя.

«Такимъ образомъ», говоритъ г. Страховъ,—«по ходу дѣйствія измѣняется и характеръ рѣчи. Всѣ разговоры не только представляютъ необыкновенную живость и естественность, но каждый говорящій выдерживаетъ свой тонъ и свой слогъ... наконецъ есть цѣлый рядъ маленькихъ вставокъ, которыя по тону и складу рѣчи составляютъ истинные перлы поэмы и блестятъ какъ дорогіе камни на золотой ризѣ. Мастерство Майковскаго стиха давно извѣстно всѣмъ знающимъ толкъ въ этомъ дѣлѣ».

Въ заключеніе г. Страховъ говоритъ: «Достоинства «Двухъ міровъ», слишкомъ велики и очевидны; это — самое крупное произведеніе нашего поэта, такое, въ которомъ сосредоточились всѣ лучи Майковской поэзіи; но оно и вообще до такой степени крупно, что обыкновенныя сравненія и измѣренія для него даже излишни и неумѣстны.»

Какой-то анонимъ, изъ Нью-Іорка, помѣстилъ во 2-й книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1883 г. критическую статью о «Двухъ мірахъ», въ которой онъ эту поэму приравниваетъ «къ Фаусту» Гёте, ибо обѣ эти поэмы

суть не что иное какъ «воплощенныя плодовитыя идеи, итогъ долгой духовной жизни обоихъ поэтовъ; оба эти творенія при всемъ различіи сюжета и содержанія, сродны по духу и пріему. «Два міра» — это воплощеніе идеи самой обширной, глубокой, знаменательной, какую когда либо приводилось художественному творчеству возсоздавать посредствомъ ряда живыхъ наглядныхъ образовъ. Параллель между твореніями нѣмецкимъ и русскимъ можно провести и потому, что въ обоихъ, если вглядѣться въ нихъ попристальнѣе, вдуматься поглубже, оказывается что великое совершенство формы въ нихъ есть лишь выраженіе, такъ сказать послѣдствіе красоты и законченности облекаемаго ею созданія». Далѣе тотъ-же критикъ говоритъ: «Читая финальную сцену въ катакомбахъ, ни съ чѣмъ лучше нельзя ее сравнить, какъ съ могучимъ и въ то же время ладнымъ, лучезарнымъ органнымъ финаломъ сложной и страстной оркестровой или драматической піесы, напримѣръ финалъ «Роберта», или «Фауста», или же финалъ съ колоколами «Жизни за Царя». Бываетъ музыка, которая обдаетъ именно свѣтомъ, сіяніемъ—такъ этотъ конецъ сцены въ катакомбахъ. Поэтъ воспарилъ до того рубежа, между небомъ и землей, гдѣ, какъ сказалъ кто-то, кончается рѣчь и начинается музыка. И самъ же онъ это почувствовалъ, кончивъ сцену именно музыкой, пѣніемъ».

XV.

Кстати о музыкѣ. До сихъ поръ въ настоящемъ очеркѣ шла рѣчь объ Аполлонѣ Николаевичѣ какъ о художникѣ-живописцѣ и о художникѣ-поэтѣ. Но мало

кому извѣстно, какимъ тонкимъ пониманіемъ и эстетическимъ чутьемъ обладаетъ нашъ дорогой юбиляръ въ сферѣ музыкальной дѣятельности.

Музыка вообще была въ семействѣ Майковыхъ однимъ изъ любимѣйшихъ занятій и какъ бы необходимымъ элементомъ жизни. У жены Аполлона Николаевича (Анны Ивановны, урожденной Штеммеръ) былъ сильный, прекрасный голосъ — mezzo soprano, который она серьезно обработывала особенно подъ руководствомъ знаменитаго въ свое время тенора Давида, соперника въ молодости своей Рубини. Продолжительное пребываніе въ Италіи и потомъ ни на одинъ годъ, въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ, не прерывавшійся абонементъ въ италіанской оперѣ въ Петербургѣ, т. е. съ ея основанія и до самаго ея закрытія (или ея «разоренія», какъ выражается обыкновенно Аполлонъ Николаевичъ), развили въ немъ, да и во всѣхъ Майковыхъ, вкусъ къ граціи, мелодіи и высокому стилю италіанской музыки. Извѣстный нашъ композиторъ Александръ Николаевичъ Сѣровъ, съ которымъ Аполлонъ Николаевичъ познакомился, а потомъ и подружился еще въ то время, когда самъ Сѣровъ еще не писалъ, — враждебно относился къ «италіанщинѣ», горячо превозносилъ вагнеровскую теорію «музыкальной драмы» и сталъ ея ревностнымъ поборникомъ въ русской музыкальной журналистикѣ. Сѣровъ былъ человѣкъ большаго образованія, съ тонко развитымъ эстетическимъ чувствомъ, пламенный поклонникъ красоты въ искусствѣ, остроумный и веселый собесѣдникъ въ обществѣ. Сѣровъ имѣлъ удивительный даръ проиграть и пропѣть всѣ партіи любой оперы, но такъ выразительно — перерывая иногда музыку для словесныхъ объясненій, — что послѣ эти же самыя оперы казались на

сценѣ уже не такъ эффектны и выразительны, какъ въ его изложеніи, хотя онъ далеко не былъ виртуозомъ на фортепіано и голосъ свой называлъ «voix de compositeur — немного сноснѣе кошачьяго мяуканья.» Такими-то «пріятельскими дивертиссементами» познакомилъ онъ своихъ друзей съ твореніями Вагнера и вообще съ корифеями нѣмецкой музыки. Тѣмъ не менѣе споръ о мелодіи у Сѣрова съ Майковымъ не прекращался. Не смотря на всѣ чудеса вагнеровскаго репертуара и на всю разумность его теоріи музыкальной драмы, Аполлонъ Николаевичъ называлъ Вагнера одностороннимъ: умышленное исключеніе мелодіи изъ оперы и замѣну ея декламаціей онъ считалъ неполнотой Вагнеровскаго таланта, упрямымъ педантизмомъ, лишающимъ музыку ея главной силы—голоса души. У мѣста будетъ здѣсь привести слышанный, однажды, нами, сослуживцами Аполлона Николаевича, его разсказъ о томъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ ему удалось произвести переворотъ въ сужденіяхъ покойнаго Сѣрова и повліять такимъ образомъ на дальнѣйшую композиторскую его дѣятельность: однажды лѣтомъ привозитъ Сѣровъ къ Аполлону Николаевичу на дачу въ Парголово тетрадку и объявляетъ, что пишетъ оперу «Юдиѳь»: «Вотъ ея либретто, мною написанное; поправьте, голубчикъ, тутъ нѣкоторыя мои безобразія». Аполлонъ Николаевичъ просмотрѣлъ и поправилъ кое-какіе стихи. Затѣмъ опера росла, актъ за актомъ, и была кончена. Каждый разъ, какъ проигрывалъ ее Сѣровъ у Майковыхъ, Аполлонъ Николаевичъ оставлялъ у себя либретто и дѣлалъ новыя поправки. Наконецъ, опера принята дирекціей, ставится на сцену, партитура переписывается для отдѣльныхъ инструментовъ. Случилось, что на канунѣ первой репетиціи Сѣровъ еще разъ проигралъ

ее и пропѣлъ у Майкова. Аполлонъ Николаевичъ чувствовалъ, что она суха, состоитъ изъ прекрасныхъ хоровъ, оркестровыхъ партій, но мелодіи нѣтъ, дѣйствующія лица только говорятъ речитативы, очень выразительные, положимъ, но въ концѣ концовъ наскучающіе и нисколько не обрисовывающіе характеровъ. «Оставьте мнѣ еще до завтра либретто», говоритъ онъ Сѣрову. —Нѣтъ, невозможно, оно уже процензировано, утверждено двадцатью комитетами, теперь нельзя измѣнить, ни слова... и притомъ завтра въ 9 часовъ я съ либретто долженъ быть въ театрѣ — росписываются партіи.— Ну, заѣзжайте завтра передъ 9-мъ ко мнѣ, а либретто теперь оставьте». Сѣровъ нехотя покорился.

Необходимо замѣтить, что пока Сѣровъ исполнялъ свою оперу, Аполлонъ Николаевичъ замѣчалъ про себя: «вотъ тутъ бы хорошо дать ей арію; здѣсь бы дуэтъ— Олофернъ только кричитъ, надо-бы и ему спѣть» и т. д. И въ ту же ночь Аполлонъ Николаевичъ принялся сочинять слова для этихъ арій, дуэтовъ и пр. Тутъ онъ написалъ: «Я одѣнусь въ виссонъ», потомъ «Горы наши бѣдны» — для Юдиѳи; «Знойной мы степью идемъ» — для Олоферна и проч., всего нумеровъ 7 или 8.

Утромъ приходитъ Сѣровъ за либретто. «А что, Александръ Николаевичъ, если-бы тутъ Юдиѳи спѣть вотъ это?.. а тутъ — вотъ это? а Олоферну, который вѣдь все только рычитъ, спѣть бы вотъ это: «Знойной мы степью идемъ»... Какъ вы думаете? было ли бы это хорошо?!.» Сѣровъ былъ совсѣмъ озадаченъ. Онъ сразу понялъ въ чемъ дѣло, чего недоставало его произведенію. Горячо поблагодарилъ онъ Аполлона Николаевича, побѣжалъ въ театръ, взялъ назадъ партитуру, скрылся отъ свѣта недѣли на двѣ и явился къ Майковымъ уже

съ совершенно новою оперой, въ которой вновь написанныя аріи, на данный ему Аполлономъ Николаевичемъ текстъ, совершенно измѣнили ея первоначальный сухой, декламаціонный характеръ и придали ей грацію, живость и рельефность ея дѣйствующимъ лицамъ. «Теперь я понялъ», говорилъ Сѣровъ;—«гоненіе на мелодію происходитъ отъ того, что композиторъ думаетъ обойтись безъ поэта. Самъ сочиняетъ либретто и, не будучи поэтомъ, не можетъ возвыситься до настоящаго лиризма, который иначе и не можетъ выражаться, какъ мелодически при поэтическомъ текстѣ. Оттого-то и гоненіе на мелодію! Понятное дѣло!»

Съ этой поры направленіе и критики, и послѣдующихъ сочиненій Сѣрова уже измѣняется: онъ даетъ уже другую оцѣнку до того времени непризнаваемымъ имъ Беллини, Россини, Мейерберу; враги его трубятъ, что онъ апостатъ, что онъ платитъ дань пошлому вкусу необразованной публики... а тѣмъ временемъ оперы его живутъ и долго, вѣроятно, будутъ жить!..

Всѣ мѣста, вставленныя Аполлономъ Николаевичемъ въ «Юдиѳь» вслѣдствіе разсказаннаго случая, включены были въ первоначальное либретто Сѣрова и отмѣчены тамъ звѣздочками. По количеству ихъ и по тѣмъ мотивамъ, которыми прониклась вся партитура оперы, можно судить, какой она подверглась коренной переработкѣ, почти наканунѣ постановки на сцену.

Въ апрѣлѣ прошлаго года, на юбилеѣ Я. П. Полонскаго, Аполлонъ Николаевичъ привѣтствовалъ своего друга слѣдующимъ стихотвореніемъ:

Тому ужъ больше чѣмъ полвѣка,
На разныхъ русскихъ широтахъ,
Три мальчика, въ своихъ мечтахъ
За высшій жребій человѣка
Считая чудный даръ стиховъ,
Имъ предались невозвратимо...
Имъ рано старыхъ мастеровъ,
Поэтовъ Греціи и Рима
Далось почуять красоты;
Бывало, нѣжный лучъ Авроры
Раскрытыхъ книгъ освѣтитъ горы,
Румяня ветхіе листы,—
Они сидятъ, ловя намеки,
И ихъ восторгъ, растетъ, растетъ,
По мѣрѣ той какъ трудъ идетъ,
И сквозь разобранныя строки
Чудесный образъ возстаетъ...
И старики съ своихъ высотъ,
На нихъ, казалося, взирали,
И улыбались межь собой,
И ихъ улыбкой ободряли...
Тѣ трое были... милый мой,
Ты понялъ?.. Фетъ и мы съ тобой...

Такъ отблескъ первыхъ впечатлѣній
И тотъ же стиль, и тотъ же вкусъ
Въ порывахъ первыхъ вдохновеній
Нашъ уготовили союзъ.
Другъ друга мы тотчасъ признали
Почти на первыхъ же шагахъ,
И той же радостью въ сердцахъ
Успѣхъ другъ друга принимали.

Въ полустолѣтье жъ нашихъ Музъ
Провозгласимъ мы тостъ примѣрный
За поэтическій, нашъ вѣрный,
Нашъ добрый тройственный союзъ!

Провозгласимъ же, въ свою очередь, и мы тостъ за здоровье нашего нынѣшняго, дорогаго, всѣми любимаго и почитаемаго юбиляра и пожелаемъ, чтобъ его муза еще долго, долго доставляла намъ сладостное, эстетическое наслажденіе, а ему самому пожелаемъ:

МНОГАЯ ЛѢТА!!!

